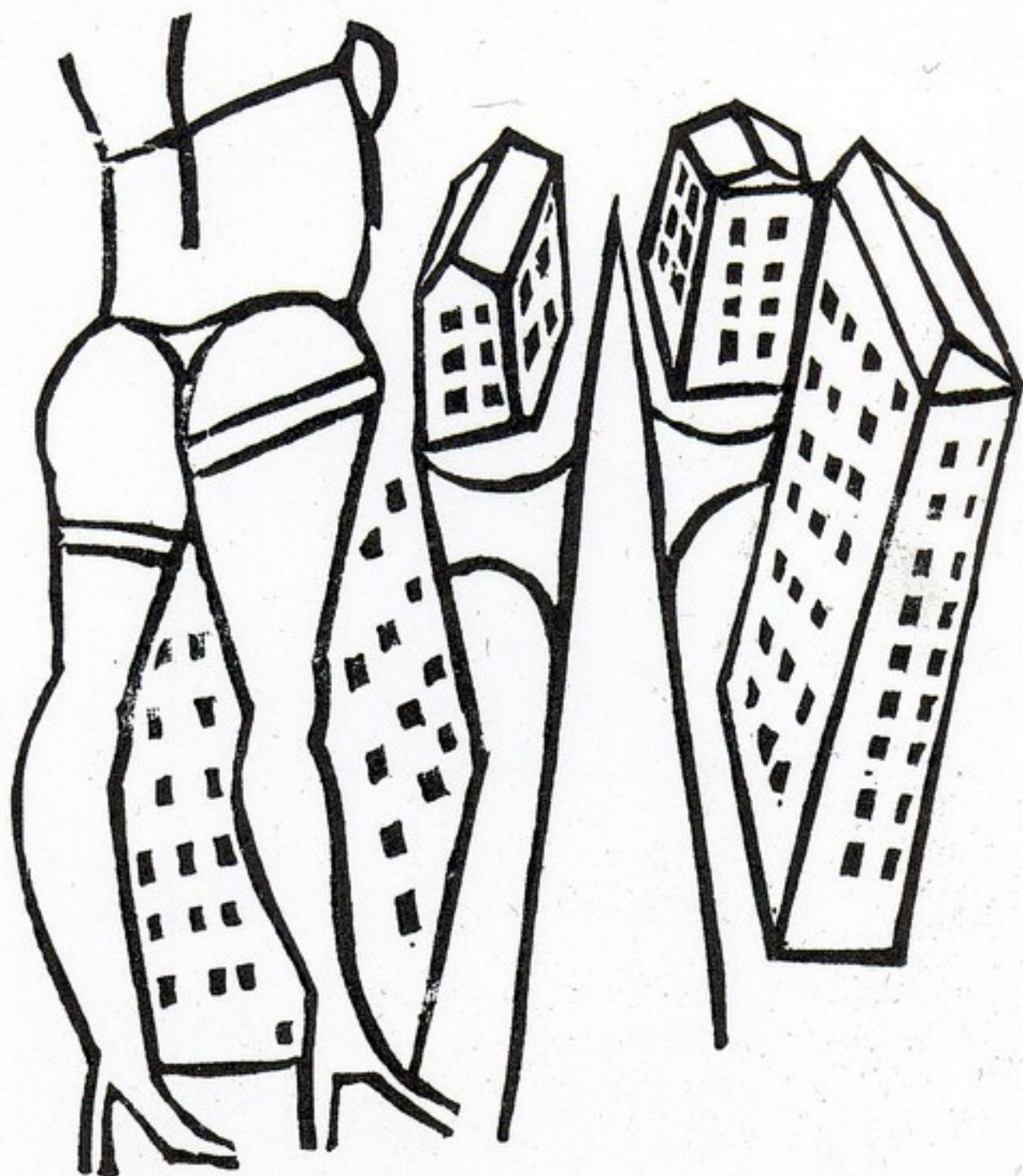

О л ь г а **М** а т в е е в а
С л у ч а й н ы е с в я з и / **р** о м а н

И з д а т е л ь с т в о / F r e e p o e t r y / 2 0 1 2

Ольга Матвеева

Случайные связи

«Автор»

2012

Матвеева О. А.

Случайные связи / О. А. Матвеева — «Автор», 2012

«Случайные связи»... Когда люди слышат это название, они начинают как-то двусмысленно усмехаться. А я начинаю оправдываться: «Да, нет, эта книжка вовсе не о том, о чем вы подумали... Хотя и об этом тоже, конечно». Сколько разных людей нам встречаются в жизни... И вполне вероятно, что каждый из них, даже тот, чье лицо мы не запомнили, встретился нам не случайно. Кто знает? Нам сложно догадаться, да и некогда. В этом романе мне хотелось проследить, как одно событие, влечет за собой другое. Как одна встреча становится предвестницей другой. Как выбор, который мы делаем сегодня, влияет на то, что происходит с нами завтра. Как случай может стать подсказкой судьбы или даже самой судьбой. Эта книга о поисках настоящей любви. И искать ее героине придется в череде случайных встреч и случайных связей, каждая из которых может оказаться совсем не случайной.

© Матвеева О. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Москва. Осень. Патриаршие пруды	5
Москва. Сашин салон красоты	13
Турция. Кемер. 5 лет назад	19
Москва. Кафе. Вечер пятницы	23
Где-то в Москве. Ночь	29
Москва. Съёмная квартира Саши. Девять лет назад	34
Москва. Вторая половина декабря. Такси	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Матвеева

Случайные связи

*Случайность — это неосознанная необходимость.
(Чья-то мудрость)*

Москва. Осень. Патриаршие пруды

Человек может оценить степень разумности своих поступков лишь после того, как в полной мере насладится их последствиями...

Эта мысль надоедливой мухой кружилась в голове Саши Крыловой, элегантной брюнетки, средних уже лет. Про средние свои лета она тоже думала неотступно, и думы эти не добавляли ей радости. Погода хоть и блистала последним осенним великолепием: неярким солнцем, прозрачной голубизной неба, сдержанным теплом, но настроение создавала элегическое, полное похоронной грусти по несбывшимся надеждам. С деревьев падали последние листья.

Саша сидела на скамейке на Патриарших и совершала мысленный обряд прощания с прошлой жизнью. Состоял он из отказов от разных приятностей и неприятностей, которые раньше составляли часть ее замысловатого бытия.

Прощайте, две зубных щетки в ванной!

Прощайте, разбросанные по квартире мужские носки!

Прощайте, ссоры!

Прощайте, бурные примирения!

Прощайте, ночи, поделенные на двоих!

Прощайте, утренние поцелуи в дверях!

Прощайте, вечерние разговоры!

Прощайте, веселые выходные!

Прощай, мой любимый!

Прощай, любовь!

Прощай!

Здравствуй, новая жизнь!

А что в этой новой жизни-то? Лишь холод пустой постели, одиночество, да тоска неизбывная. Да обида, да боль утраты, да злость, да отчаянье. Как же идти в новую жизнь с такими спутниками? А стоит ли вообще идти? К чему вся эта пустая суета и бессмысленные трепыхания? Почему же он ушел? За что он со мной так?..

— Вы тоже что-то потеряли? — мужской негромкий голос справа.

— Мужа, — отвечает Саша, не глядя, и даже не удивляясь, что она произносит это вслух, да еще и обращаясь не известно к кому.

— А я веру. Веру в людей. Вот и задумаешься, чья утрата горше.

Саша медленно поворачивает голову и смотрит, наконец, на обладателя этого негромкого голоса, чья утрата, возможно, и в самом деле горше, чем ее собственная, впрочем, в данную секунду она в этом сомневается. Не молод, не красив, очевидно, не высок. Словом, на другом конце скамейки сидел несколько облезлый тип, лысоватый, грузноватый, с печальным челом, отмеченным клеймом самой что ни на есть инфантильнейшей интеллигентности. Одет в черное грязноватое, несколько помятое пальто, которое, однако, все еще хранит остатки бывшего дизайнерского величия. Старые туфли, очевидно, тоже некогда стоили немалых денег. Саша в этом разбиралась.

– Как же это случилось? – интересуется она участливо. Всегда ведь приятно видеть человека, который несчастнее тебя. У нее-то, у Саши, сапожки новые и пальто из последней коллекции одного уважаемого бренда. Муж-то от нее ушел, а деньги и вера в человечество в целом при ней остались. А этот бедолага являет собой совсем уж жалкое зрелище.

– А знаете что, милая барышня, давайте-ка мы с вами шампанского выпьем! Купил вот на последние деньги. В конце концов, великие утраты нужно отмечать с помпой и апломбом, приличествующими случаю. К сожалению, это дешевое шампанское сейчас самый большой апломб, который я себе могу позволить, но все же... Но знаете, принимая во внимание этот чудный уголок нашего города, эту дивную погоду и таинственную незнакомку, сидящую рядом, можно говорить о некоем величии момента. Я даже и не рассчитывал, что все так распрекрасно устроится. Ну, так что же, выпьем?

– Выпьем! – с гусарской удалью согласилась Саша, и вдруг поняла, что еще несколько дней назад она ни за что не посмела бы пить шампанское с незнакомцем на лавочке в парке. Раньше-то она считала непозволительным для себя и общаться с посторонними мужчинами, которые явно с ней заигрывают, и распивать спиртные напитки прямо на улице. Это уж как-то совсем не бонтонно для дамы ее положения. Мужчина, который сидел рядом на скамейке, ей не очень-то и нравился, точнее совсем не нравился, шампанское такое она не пила уже несколько лет, но вся эта нелепая, в общем-то, ситуация, попахивала свободой и какой-то полузабытой подростковой романтикой.

Незнакомец извлек из кармана два пластиковых стаканчика, усмехнулся смущенно:

– Извините, хрустальных фужеров не прихватил, да и нет их у меня... теперь, – разлил, передал один стаканчик Саше. – Ну что ж! За крушение старых иллюзий и обретение новых! – провозгласил он тост и жадно припал к стаканчику.

Саша тоже задумчиво сделала несколько глотков и пришла к выводу, что дешевое российское шампанское, распитое на Патриарших с незнакомцем в последний теплый осенний день, сильно украшает жизнь.

– Как вас зовут? – спросила она, – или так и останемся незнакомцами?

– Извините, со всеми этими неприятностями совсем забыл о правилах приличия. Александр!

– Забавно, а я – Александра.

– Тезки, значит... – он снова увлекся шампанским. Взгляд его был устремлен на гладь озера, и Саша вдруг прочитала в этих, замутненных страданием зеленых глазах, отчетливое желание утопиться.

– А ведь мы точно не ценим того, что имеем, – произнесла она тихо. – Знаем ведь, что надо бы ценить, а не ценим.

– Вы о чем? – спросил он рассеянно.

– О многом. Но сейчас – о погоде. Сегодня светит солнце, а завтра ведь может пойти дождь. И будет он идти до ноября, а потом настанет долгая-долгая зима. Давайте сегодня не будем думать о грустном. У нас для этого вся зима впереди.

– Не получается, милая барышня, никак не получается! Да и кто знает, настанет ли для меня зима... – Александр вздохнул.

– Расскажите мне, как вы лишились веры в людей?

– Ничем не примечательная история. Вполне банальная, как это ни печально...

– И все же расскажите... Вдруг вам станет легче?

– Не уверен, но так и быть, удовлетворю ваше любопытство... Но история, действительно, вполне заурядная... Был я себе простым советским молодым ученым, ну не совсем простым, а талантливым и перспективным... По крайней мере, так обо мне говорили. Историю нашего отечества вы, наверное, примерно, знаете... Перестройка, гласность, развал Советского Союза, развал экономики, и вот из светила науки я превратился в нищего изгоя общества, но стано-

виться челноком и болтаться с огромными клетчатыми баулами я не желал. Профессиональная гордость. Думал, лучше с голоду сдохну, а торговать не пойду. Я же рожден для науки! Только вот наука нашей стране стала не нужна. Ну и я вместе с ней. Состоял на иждивении у моей тогдашней супруги, которая к новой реальности адаптировалась быстро. Она, правда, хоть и любила меня сначала, но жизни такой не выдержала. И вот однажды ясным весенним днем, когда в Москве звенели капли и падали сосульки, она укатила от меня с шикарным новым русским в малиновом пиджаке на вишневой девятке. Чего вы смеетесь?

– Звучит как анекдот. Неужели и вправду в малиновом пиджаке и на вишневой девятке?

– Если честно, я не очень хорошо помню этот эпизод, но в памяти сохранился такой вот классический образ нового русского. Сколько раз я насмеялся над ними, сидючи на нашей кухне, поедая скудный ужин, приготовленный женой из продуктов, купленных на ее же деньги и сетуя на несправедливость жизни... Бедная, как она терпела меня, неудачника?.. – Александр замолчал, наполнил стаканы шампанским, взгляд его снова заскользил по глади пруда.

Александра тоже молчала, с легкой завистью смотрела на молодых парней и девчонок на соседней скамейке, которые беззаботно пили пиво, громко смеялись и говорили о каких-то несусветных глупостях, которые для них были очень важны.

– Странно, – думала она, – как же все на этом свете все однообразно: сейчас эти подростки веселятся, а завтра они переженятся, а потом будут сбегать друг от друга по вроде бы разным, но очень похожим причинам. От Александра этого жена уехала на вишневой девятке из-за того, что он был неудачником. От нее, от Саши, муж уехал на своем стареньком мерседесе из-за того, что она была слишком удачлива. Одна устала от безденежья, другой – от денег, которые зарабатывал не он. А смысл-то один – они устали от своих супругов. От Александра и Александры. Похожие истории.

Пауза затягивалась.

– Вы тогда разочаровались в людях? – спросила Саша.

– Нет, тогда я разочаровался в женщинах, в науке и родном отечестве. А вот дружбу и деньги возвел на пьедестал. Тогда я решил доказать и бывшей жене, и себе, что чего-то стою. Я решил сказочно разбогатеть. А тогда ведь деньги не зарабатывали только ленивые и идеалисты. Ленивым я не был, а идеалистом перестал быть в тот самый момент, когда вишневая девятка победно просигналила под моими окнами.

– Разбогатели?

– Да, разбогател. И именно сказочно, как и хотел. С другом организовали весьма процветающий бизнес. Деньги делали чуть ли не из воздуха. Я не буду вдаваться в подробности, но у нас все получилось.

– И куда же все делось?

– А вот с этим-то и связано мое разочарование в людях. Мой лучший друг, мой верный партнер по бизнесу, с которым мы прошли огонь, воду и медные трубы, предал меня. То есть кинул. Так точнее. Как-то он так виртуозно все провернул, что весь бизнес оказался у него в руках, а я ему еще и должен остался, причем очень внушительную сумму. Так что пришлось ему отдать вообще все, что я имел. Осталась лишь небольшая квартирка, которую я после родителей унаследовал... И это был человек, которому я доверял больше всего на свете. Больше, чем отцу или матери. Как себе самому доверял... А оказалось, что доверять нельзя вообще никому.

– Вы только сейчас это поняли? – Саша была искренне удивлена.

– Да, знал я, – отозвался Александр несколько раздраженно. – Это и дети знают. Только сложно так жить-то во враждебном мире, в котором совсем никому нельзя доверять. Сложно! Невозможно! Да и незачем! – мужчина заерзал на скамейке, бросил очередной отчаянный взгляд на пруд, потом встряхнул бутылку, обнаружил, что она безнадежно пуста, заметно расстроился и смущенно предложил, – знаете что, а, может, мы еще одну бутылку купим, если у

вас есть деньги? Мне дико неудобно, но у меня нет ни копейки. Вы не подумайте, я не алкоголик и не жиголо какой-нибудь, я просто человек, у которого совсем нет денег.

– Для жиголо вы староваты, уж извините за прямоту, – Саша рассмеялась. – Хорошо, давайте сходим за шампанским.

– Нет, давайте вы посидите тут, посторожите скамейку, а то вон та парочка посматривает на это посадочное место с вождением, а я быстренько сгоняю в магазин.

Саша достала из кошелька купюру в пятьсот рублей и протянула ее Александру.

– А вдруг я сбегу с вашими деньгами? – спросил он.

– Я переживу эту потерю, – усмехнулась Саша. – Если незнакомец украдет у меня пятьсот рублей, это не подорвет мою веру в людей. Это обычное явление. Но я вам почему-то верю, хотя и знаю, что никому верить нельзя... Да, и сыру еще купите, если вам несложно. Очень хочется есть...

Он появился спустя минут двадцать, запыхавшийся и смущенный, когда Саша уже почти перестала ждать. «А он очень мил, когда смущается», – неожиданно для себя подумала она.

– Извините, получилось не так быстро, как я предполагал. Вот сдача, – бодро сказал он и выгрузил в Сашину ладонь мелочь и мятые купюры. Она, не глядя, положила их в карман. – И пересчитывать не будете? – спросил Александр с оттенком возмущения в голосе.

– Я вам доверяю, – отозвалась Саша.

– Не в этом дело. Еще несколько месяцев назад я бы тоже не стал считать такую мелочь. А сейчас это для меня целое состояние. Собственно, на эти деньги я мог бы продержаться дня три. Да, вы совершенно правы, мы не ценим того, что имеем.

– Вы хотите, чтобы я отдала вам эти деньги?

– Ну, за что же вы меня так унижаете? – взвыл Александр. Его взгляд снова устремился к озеру и будто бы даже нырнул в его тихую синь.

– Извините, извините, ради Бога, – залепетала Саша, – я не хотела вас обидеть. Я ведь не знаю, как вам помочь и без помощи оставить не могу. Извините.

– Это вы меня извините. Какой-то я стал слишком чувствительный. Во всем мне чудится оскорбление. Странная штука жизнь, – Александр вздохнул, – друзья предают, а незнакомые люди пытаются помочь. Непостижима человеческая природа! – он открыл бутылку. – Предлагаю выпить за вас, добрую самаритянку!

– А я за то, чтобы у вас в жизни все наладилось!

– Это бессмысленно. Ничего уже не наладится. Нельзя жить без веры и без денег.

– Нельзя жить без любви, – возразила Саша.

– Типичное женское заблуждение. Любовь, по крайней мере, не вызывает голодную смерть. А вот отсутствие денег крайне губительно для пищеварения и жизнедеятельности человека в целом, – он снова бросил тоскливый взгляд на пруд.

– Кстати, не вздумайте здесь топиться!

– Это еще почему?

– Более неподходящего места трудно придумать. Тут глубина чуть больше метра и дно закрыто защитной сеткой, чтобы всякий мусор не всплывал. Так что если будете здесь топиться, вместо трагедии получится фарс. Вы же не хотите выглядеть смешным?

– Да мне уже все равно, если честно, но вы меня убедили, здесь топиться не буду. Пойду на Москву-реку. Там, действительно, надежнее, – Александр расхохотался. – А вы, извините, стерва! А еще прикидывались Матерью Терезой.

– Никем я не прикидывалась! – Саша театрально надулась. – Я могу быть и той, и другой в зависимости от обстоятельств. Диапазон мой личности чрезвычайно широк.

Александр посмотрел на Сашу оценивающе. Из его зеленых глаз на мгновение исчезла мусть страдания, они стали веселыми, задорными и молодыми. Он даже похорошел – перестал

выглядеть жалким. Саша подумала, что в прошлой своей состоятельной жизни он наверняка нравился женщинам. И даже не потому, что был богатым, а потому, что был чертовски обаятельным.

– А знаете, – сказал он, – я бы в вас влюбился, не будь я сейчас беден, как церковная мышь. Вы очень красивая женщина и очень необычная.

– Что вам мешает это сделать сейчас? Разве чувства можно контролировать?

– Их можно сдерживать. Не всегда, безусловно. Любовь для меня сейчас – непозволительная роскошь.

– А, может, быть в ней ваше спасение? Может быть, любовь вас окрылит, раскроет вам глаза и вместо того, чтобы строить планы самоубийства, вы начнете строить планы, как вам выбраться из этой ситуации. Ведь согласитесь, ситуация-то безвыходная. Крыша над головой у вас есть, так ведь? – Александр кивнул. – Руки-ноги целы. Голова на плечах имеется. Так и что же вам мешает хотя бы устроиться на работу. Вы ведь наверняка умеете что-то делать.

Александр вяло пожал плечами:

– Наверное, умею. Руководить. Только, боюсь, на руководящую должность меня не возьмут. А начинать с нуля в мои-то сорок семь как-то унижительно. Не юнец уж.

– Вам сейчас не до амбиций. Вам сейчас совершенно любая должность подойдет. Ведь насколько я понимаю, речь идет о голодной смерти?

– Именно так, – он кивнул.

– Только не обижайтесь, пожалуйста, не обижайтесь. Я не хочу вас обидеть. Просто хочу помочь, – Саша начала рыться в своей сумке. – Так, это визитка одного моего хорошего знакомого, я с ним поговорю, и он возьмет вас на работу. Охранником. В этом нет ничего такого. Надо ведь с чего-то начинать? А потом вы подыщете что-нибудь более подходящее. А это вот... все, что у меня сейчас есть. Это в долг. Вы мне потом вернете, когда-нибудь, когда поправите ваши дела. – Саша протянула Александру деньги. Там было пятьсот долларов.

Он решительно замотал головой.

– Нет, я не возьму. Вы, что дура? Или святая? Я ведь могу быть аферистом! Вдруг я тут прогуливаюсь каждый вечер и разыгрываю комедии перед такими добренькими идиотками, как вы? Вижу, что дамочка в дорогих шмотках и в смятенных чувствах, устраиваю ей представление и выманиваю деньги. Нельзя же быть такой наивной! Не девочка ведь уже!

– А мне плевать! – закричала Саша. Она была уже изрядно пьяна. – Если вы тот, за кого себя выдаете, значит, я хочу вам помочь. Мне будет очень жаль, если пропадет хороший человек. А если вы мошенник, то пусть это будет моей платой за хорошую актерскую игру. Артистам тоже нужно платить, тем более, если спектакль был сыгран только для одного зрителя. Берите деньги!

– Не возьму!

– А я говорю, берите!

– Нет!

– Если не возьмете, значит, я сейчас пойду топиться в этой холодной, грязной луже. И вам будет стыдно! К тому же выйдет скандал! С участием милиции! И если вы аферист, неприятностей не оберетесь!

– Шантажистка!

– Очень вас прошу, возьмите деньги! – взмолилась Саша.

– Хорошо, – сдался Александр. Купюры исчезли в его кармане. – Спасибо. А знаете, вы вернули мне веру в людей.

– Рада была помочь.

– Оставьте мне хоть номер своего телефона, – Александр как-то совсем сник. – Почти два десятилетия по кирпичику строил свое состояние. Думал, обеспечил себя до конца жизни. Думал, это главное, думал деньги – это прочный фундамент моего существования и никакое

землетрясение, никакие штормы, цунами, торнадо его уже не разрушат. А вот ведь как получилось... Материального благосостояния больше нет, и оказывается, что кроме этого ничего у меня в жизни-то и не было. Ни семьи, ни детей, ни родственников, ни друзей. Только неожиданная доброта случайной знакомой.

– Разве это так уж мало? – спросила Саша, а сама подумала, что с тех пор, как она лишилась любви, деньги утратили для нее какую бы то ни было ценность. Конечно, ей не хотелось бы голодать, как Александр, не хотелось бы ночевать на улице, но вот зачем зарабатывать их все больше и больше? Зачем? Есть у нее деньги, только отчего же она чувствует себя такой несчастной? Деньги от одиночества не спасают. А она ведь, как и Александр, считала их опорой своей жизни, а мужа своего неудачником, потому что не мог он зарабатывать и создавать основы. А сейчас-то выяснилось, что муж-неудачник и был ей истинной опорой, поддержкой, был ее любовью, был смыслом бытия... А сейчас она была зданием, в котором разрушили несущую стену. Стояло пока, только изрядно покосилось и в любой момент могло рухнуть. И никакой поддержки у нее было. Более того, этот накренившийся столп, вынужден поддерживать сейчас почти незнакомого человека, которому еще хуже, чем ей. Саше стало совсем грустно.

– Что-то вы совсем пригорюнились, – заметил Александр. – Это из-за денег? Вот, возьмите! – он полез в карман пальто, но Саша отрицательно замотала головой. – Дайте мне свой номер телефона!

Саша снова замотала головой.

– Но как же я верну вам деньги, как я вас найду?

– Не надо меня искать, – устало ответила Саша, – если будет нужно, судьба сама сведет нас, и вы вернете мне деньги. А если нет... На нет и суда нет... Если я дам вам свой номер, я буду ждать, буду надеяться... Буду волноваться за вас. Если вы пропадете, я могу подумать, что с вами случилось что-то плохое, или вдруг я тоже утрачу веру в людей, если и в самом деле окажетесь аферистом. А я не хочу сейчас ни ждать, ни волноваться, ни тем более еще что-то терять. Мне сейчас тоже очень плохо. Может быть, не так, как вам, но мне тоже очень плохо, – по Сашиной щеке поползла слеза.

– От вас ушел муж?

– Да, – по другой Сашиной щеке тоже катилась слеза.

– Он был вашим кормильцем? Вы от него зависели материально?

– Нет, он от меня зависел материально. Я зарабатывала деньги, а у него не получалось. Но он был очень хороший человек, просто не умел зарабатывать, – Саша всхлипнула.

После значительной паузы Александр произнес:

– Не знаю, утешит ли вас это, но он вас оставил просто потому, что изнемог под тяжестью вашего величия. Вы ведь совершенно невозможная женщина! – Саша посмотрела на него удивленно. – Природа была невероятно щедра, когда создавала вас. И красоты она вам отсыпала, и удачливости, и ума, и умение вести дела, и добиваться поставленных целей. Я вас не знаю совсем, но вы производите именно такое впечатление. А он... Он из другой породы людей.

– Что это значит?

– Мы с вами воины, правда, сейчас мы раненые воины, – он усмехнулся. – Сейчас мы заживаем наши раны. Надеюсь, наши раны не окажутся смертельными. А он... Он другой. Ну, никак он не мог быть человеком, который предназначен вам судьбой.

– Это еще почему?

– Потому что он другой породы. Я уже сказал.

– А кто мне предназначен?

– Откуда я знаю? Я и вас-то, милая барышня, практически не знаю. Я только вижу, что вы очень умная, тонкая, добрая, противоречивая, сложная женщина. И ведь есть где-то мужик, который является вашей половиной. Даже не так... Он мужская составляющая вашей личности. А вы женская часть его личности. Вы одно целое, но разделенное. Две половинки зате-

ряны в этом мире, но вы непременно должны найти друг друга и соединиться. Чушь, конечно. Это я прочитал недавно. В принципе, занятная теория. Мне кажется, для вас это сейчас то, что доктор прописал... Новая глобальная жизненная цель. Поиск своей половинки, – Саша посмотрела на Александра обиженно. – Не сердитесь. Это очень хорошая цель. Это мы ведь только притворяемся, что мы стремимся спасти мир, стать самыми богатыми на свете людьми, отправиться на Луну или на Марс, изобрести лекарство от рака, а на самом-то деле мы ведь просто стремимся к счастью. Ведь так?

Саша кивнула.

– А счастье, милая барышня, не счастье, если его не с кем разделить. Так что желаю вам найти своего мужчину. Единственного. А муж ваш – идиот, точно не тот, кто вам нужен.

– Не смейте его оскорблять! – взвизгнула Саша.

– Хорошо, не буду, – тут же согласился Александр. – Действительно, зачем оскорблять человека, который довел вас до такого состояния, что вы сидите тут на скамеечке, рыдаете, распиваете сомнительное шампанское с сомнительным типом и расшвыриваетесь деньгами?... А вы ведь даже будете о нем горевать... какое-то время, может быть, даже долго, но потом непременно поймете, что я был прав.

– Все всегда хотят быть правыми.

– Это свойство человеческой природы. С этим ничего не поделаешь. Вы можете не запоминать меня, но запомните мои слова, прошу вас. Просто чтобы когда-нибудь убедиться, что мое пророчество сбылось. А знаете, мне очень жаль, что наша встреча произошла именно сейчас, когда оба мы не в лучшем своем состоянии, оба сломлены и растерзаны. Может быть, встретиться мы при других обстоятельствах, все и сложилось бы по-другому... Может быть, у нас что-нибудь и получилось бы. Мы, как мне кажется, как раз из одной касты...

– Не говорите глупостей. Мы оба пьяны... Вот и все! Что за романтический бред? Хотя знаете, я сейчас чувствую себя такой старой и такой одинокой... Обнимите меня!

Александр робко обнял Сашу, а она неожиданно для себя поцеловала в его губы. Они были удивленными, упругими и требовательно нежными. Хорошие были у него губы. Отрываться не хотелось. Но все же, она, спустя несколько мгновений, оторвалась, вскочила и бросилась бежать в сторону грохочущей Тверской.

Так и добежала она до дому, глупо улыбаясь и молясь всем богам, ибо ни в одного конкретного бога она не верила, чтобы все у нее было хорошо, чтобы у Александра все было хорошо, чтобы у всех людей на свете все было хорошо, потому что они все такие замечательные, люди эти. И, безусловно, заслуживают исключительно счастья. Только счастья... Квартира встретила ее оглушающей пустотой.

А ночью пришла к Саше ее постоянная незваная гостья – бессонница. Как же Саша ее ненавидит! Ведь это она напускает в Сашину голову мысли, от которых не хочется жить...

Ничего уже больше не будет. Ничего... Только эта пронзительная тишина, только эти беспокойные метания по бессмысленно широкой кровати. Только эта бессонница. Неспешная убийца. Безжалостная кровопийца, которая ночь за ночью вытягивает остатки жизненных сил, радость, оптимизм, само желание жить. Своими неощутимыми пинками она все ближе подталкивает к пропасти. Пропасти отчаяния или к какой-то другой пропасти. Вот он, край. Нужно сделать всего один шаг. Мгновения свободного парения и все... Все закончится! Может быть, лучше, если все и в самом деле закончится? Ведь ничего уже больше не будет! Чертово одиночество! Все теряет смысл, когда ты никому не нужен! Все теряет смысл, когда тебе ничего уже больше не нужно! Когда ты сам себе уже не нужен!.. Половинки! Этот Александр ничего не понимает! Мой муж и был моей половинкой! Он был моей половинкой. Иначе, отчего же душа моя и тело мое болят, будто у меня ногу отняли или руку? Отрезали без наркоза. Отчего же так больно, будто распилили меня надвое? Будто меня сейчас стало вдвое меньше! Он и был моей половинкой! А я так бездарно ее потеряла. Так глупо! Вернись! Я прошу тебя, вернись! Я изме-

нюсь, я буду другой! Я буду заботливой и внимательной. Хочешь, я заброшу свою работу, стану домохозяйкой? Буду готовить тебе завтраки и ужины, сама гладить твои рубашки. Я готова даже вручную стирать твои носки. Я стану хранительницей очага, а ты будешь добытчиком. Пусть мы будем жить в нищете. Лишь бы с тобой. Лишь бы ты был рядом! Я сделаю все, что ты хочешь, только вернись! Только будь со мной! Я не могу без тебя. Слышишь? Ну, услышь меня! Не будь таким жестоким! Вернись! Ты моя половинка! А я твоя. Ну как же ты этого не понимаешь?... Я старая, некрасивая, несчастная, одинокая баба. Мне уже тридцать шесть лет! Это уже даже не чуть-чуть за тридцать. Кому нужна такая, когда вокруг полно молодых, красивых и веселых? Ничего больше уже не будет. Ничего. Зачем мне жить?

Москва. Сашин салон красоты

– Здравствуйте, милочка! Как я рада, что застала вас здесь сегодня! А почему у вас такой унылый вид? Хотя, знаю-знаю. Такое несчастье! Бедная девочка! – такими словами приветствовала Сашу, постоянная клиентка одного из ее салонов красоты, отставная актриса, неуывающая модница лет семидесяти пяти Вера Семеновна Зайцева.

– Мне, очевидно, нужно уволить Машеньку за излишнюю болтливость, – Саша бросила гневный взгляд на маникюршу, та испуганно съежилась. – Боже мой, – метались мысли в Сашиной голове. – Я думала, что работа сейчас единственная моя отрада, моя панацея, а тут! Тут все уже в курсе моих неприятностей, шепчутся, смеются за моей спиной. Это ж какая радость – эту стерву-хозяйку бросил муж! Господи, куда мне деваться? Куда мне спрятаться от людей, от себя? От людей еще можно спрятаться, а вот куда спрятаться от себя?

– Александра Васильевна, не будьте слишком строги к Машеньке, вы ведь разумная женщина и понимаете, что если маникюрша будет молчалива, то к ней никто не будет ходить. Где еще можно в наше время, когда все живут, уткнувшись в свои компьютеры и телевизоры, просто поговорить? Не при помощи букв в мониторе или как там он называется, не по телефону, а вот так вот, по старинке, сидя напротив и глядя друг другу в глаза. Вы знаете, я, в моем возрасте радуюсь любой возможности поговорить. Просто поговорить. Какое счастье, что вы еще очень молоды, и вам еще не ведомы такие проблемы! А ваша Машенька, она не просто маникюрша, она самый настоящий психотерапевт. Не сердитесь на нее, прошу вас, – Саша улыбнулась принужденно. – У вас есть минутка, чтобы выпить чашку чаю со старой дамой? – продолжила Вера Семеновна.

Вера Семеновна, безусловно, была дама презанятная, и Саше нравилось беседовать с нею, но вот сейчас не хотелось. Она заметила, что с тех пор, как осталась одна, с тех пор, как она внезапно пополнила многочисленный отряд мадам Брошкиных, она перестала быть склонной к общению. Теперь на ней будто бы стояло клеймо неполноценности. Все ее бывшие заслуги, все ее незаурядные качества будто бы перечеркнуло это клеймо. Она сама, все ее существо, казалось, было теперь сплошным клеймом неполноценности. Общаться теперь Саше не хотелось, тем более с совершенно посторонней дамой...

Она согласилась. Не хотела показаться невоспитанной. Вечно мы делаем то, чего совсем не хотим, ради каких-то условностей, ради каких-то там мифических правил приличия.

– Будьте добры, принесите нам две чашки чаю в комнату отдыха, – обратилась Саша к администратору. – Вы ведь предпочитаете черный с бергамотом, если не ошибаюсь? – спросила она Веру Семеновну. Та кивнула. – Мне зеленый с липой. Спасибо.

Саша и Вера Семеновна сели друг против друга в высокие кресла.

– О чем вы хотели поговорить?

– Могла бы, конечно, о своем здоровье, оно у меня в последнее время слабовато стало, да, боюсь, вам это не интересно, – усмехнулась Вера Семеновна. – Знаете, милочка, вы мне глубоко симпатичны. И мне больно видеть такую цветущую юную даму, как вы, в столь плачевном состоянии.

Саша напряглась.

– Извините, мы не настолько знакомы, чтобы обсуждать мою личную жизнь. Мне бы этого не хотелось.

– Да я и не предлагаю, милочка! Боже упаси! Я еще не совсем выжила из ума и все еще знаю толк в правилах приличия. К тому же я как-никак была светской дамой! Да и сейчас еще рановато сбрасывать меня со счетов в этом плане! – Вера Семеновна горделиво выпрямилась. – Поэтому я предлагаю поговорить о МОЕЙ личной жизни. Потому что мне, в отличие от вас

этого хочется. И не нужно на меня смотреть с таким изумлением! У меня есть личная жизнь! И еще какая! – старушка задорно подмигнула. – Мне нужен ваш совет.

– Да, я вас слушаю.

– Понимаете, милочка, – бывшая актриса перешла на театральный шепот, – один джентльмен, на которого я имею серьезные виды, пригласил меня сегодня на свидание. Вечером мы встречаемся в одном респектабельном заведении, кажется в «Пушкине». О! Там такая дивная атмосфера! Я люблю там бывать. Но я безумно волнуюсь. Как девушка! – Вера Семеновна зарделась.

– Но это же чудесно! У вас свидание!

– Да, но это мое первое свидание с этим господином. Хотя, признаться, второе. Первое было лет сорок назад. Я тогда была очень молода, лет тридцать пять мне было. Легкомысленная была, ветреная, мужчины так и вились вокруг меня, как мотыльки, я и не относилась к ним серьезно. У меня уже было тогда два брака за спиной, сын-подросток. Я избегала серьезных отношений. Не знаю, поймете ли вы меня, но после двух мужей мне казалось, что мужчины меня обременяют, лишают свободы, а я хотела порхать, как та стрекоза из басни. Я хотела быть свободной, я больше не хотела никаких обязательств. Я хотела влюбляться каждый день. Ведь только влюбленность рождает вдохновение. Только драма рождает желание творить. Тихие семейные будни меня угнетали. Убивали во мне актрису. Я была ослеплена тщеславием. Мнила себя великой актрисой. Воображала, будто меня не зовут в кино и не дают главных ролей в театре из зависти. Все это были козни и происки врагов. Только на старости лет и поняла, что была не так уж и талантлива. А тогда... Впрочем, это теперь уже не важно. Валерий Петрович... Он был в те времена блестящим офицером, полковником, настоящим красавцем. Укараулил меня после спектакля с огромным букетом белых хризантем. Позвал меня в «Прагу», и там, за армянским коньяком признался мне в любви. Да они все так поступали, чтобы получить от меня желаемое. А этот был особенный. Он говорил искренне. Я сразу ему поверила. Уж что-то, а фальшь-то я чувствую сразу. Я ему поверила и тут же испугалась... Что я ему могла предложить кроме своей ветрености? Я его отвергла. Тогда мне казалось, что я поступаю благородно – мне чудилось, что я вполне могу разрушить его жизнь, сделать его несчастным. Я тогда пребывала в образе роковой женщины. – Вера Семеновна вздохнула. – Я отдавалась каким-то хлыщам, сейчас я уже могу об этом говорить, кого интересует прошлое всеми забытой старухи... А порядочного мужчину я отвергла. А ведь он мог быть моей судьбой. – В глазах пожилой дамы блеснули слезы... – А я его упустила, глупо, самонадеянно упустила.

– Но он же снова объявился! – возразила Саша. – Кстати, как он вас нашел?

– В одной социальной сети.

Саша расхохоталась:

– Вы сидите в социальных сетях?

– Не вижу ничего смешного! – старушка обиженно поджала губки. – Вы считаете, есть какие-то возрастные ограничения на пользование интернетом? Вы думаете, что люди моего поколения не в состоянии освоить блага цивилизации?

– Простите ради бога, я восхищаюсь вами! Хотела бы я остаться такой же молодой в вашем возрасте, но, признаться, я сейчас чувствую себя древней старухой. А мне нет еще и сорока.

– А вот это вы зря, милочка. Мне бы вернуться в ваши годы! Самый благодатный возраст. Женщина за тридцать прекрасна: она уже нашла свой стиль, она знает себе цену, у нее есть материальное благосостояние, есть бесценный жизненный опыт... Хотя нет, не хочу возвращаться в ваши годы, потому что для меня всегда лучшим был тот возраст, в котором я находилась. И сейчас у меня самый лучший возраст... Но, милочка, а вдруг Валерий Петрович так не считает?

– Извините, я вас не совсем понимаю.

– Александра Васильевна, голубушка, у меня сегодня свидание с мужчиной, который не видел меня сорок лет! Вы подумайте, вы вот себя старухой считаете, а ведь вы еще даже столько на белом свете-то не живете, сколько мы не виделись! Боже мой, боже мой! – запричитала Вера Семеновна! – Я ведь не помолодела с тех пор! Боже мой! Боже мой! Целых сорок лет! А вдруг он меня испугается?

– Вера Семеновна, вы прекрасно выглядите!

– Да, для своего возраста, но видели ли бы вы меня сорок лет назад! Какой красавицей я была!

– Вы и сейчас красавица! Вы что же думаете, что он за это время не изменился? К тому же он ведь должен догадываться, что прежней остаться невозможно. Это просто невозможно! К тому же, если он нашел вас спустя столько времени, значит, ему зачем-то это было нужно?

– А вдруг он просто поглумиться надо мной хочет? Отомстить? Вдруг он задумал наслаждаться теми разрушениями, что сотворило со мной время?

– Человек, который по-настоящему любил, не может так поступить, – Ответила Саша убежденно.

– Вы слишком наивная девочка, – Вера Семеновна с сомнением покачала головой. – Чем сильнее человек любил, тем больше подлостей он может совершить, когда разлюбит. Человеческая природа слишком противоречива. В каждом из нас с известной долей комфорта уживаются и ангелы, и демоны.

– И все же мне хочется верить в лучшее. А что он вам написал?

– Он написал, что счастлив видеть меня здесь. Рад, что я в добром здравии, что я ничуть не изменилась. Вот старый лис! – линиялые голубые глазки старой леди зажглись юношеским огнем. – Еще он писал, что все эти долгие-долгие годы помнил обо мне. Женился, конечно, но обо мне помнил. Год назад он овдовел. Думал, что не переживет этой потери, сам уже начал готовиться к смерти, но дети обучили его работать на компьютере. Он говорит, что после этого к нему вернулся интерес к жизни. Интернет, говорит, спас его от одиночества, а уж когда он меня нашел, так, вообще, будто помолодел лет на двадцать. Робко так, на свидание меня пригласил. Не откажете ли вы мне, говорит, в чести отужинать со мной. Тем самым, говорит, вы сделали бы меня несказанно счастливым. Весьма галантный кавалер, весьма! Кстати, Валерий Петрович ушел в отставку в чине генерала. К тому же он еще и состоятельный. Очень завидный жених. Судите сами, как я могу отказаться от свидания с таким мужчиной? В моем возрасте, милочка, разбрасываться кавалерами крайне неосмотрительно. Ведь каждый из них может стать последним.

Саша еле сдержала улыбку. Она-то в свои тридцать шесть убеждена, что ей уже ничего не светит, что муж был ее последним мужчиной. А впереди годы одиночества и запустения.

– А чем я могу вам помочь? – спросила она с отчетливым оттенком зависти в голосе.

– Ах, милочка! Мне совет ваш нужен, как дамы с изысканным вкусом, как мне наряжаться, чтобы не выглядеть слишком старой и слишком жалкой?

– Не говорите глупостей! – искренне возмутилась Саша. – Вы не выглядите жалкой. К тому же мне ли вас учить наряжаться? Вы же настоящая икона стиля.

– Вы мне льстите, милочка.

– Вы хотите еще комплиментов? Что ж... Вы самая элегантная из моих клиенток. Еще я уверена, что очень немногие ваши ровесницы выглядят в вашем возрасте так же как вы. А вам на вид не дашь больше пятидесяти пяти.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила Вера Семеновна. – Мне сейчас редко делают комплименты, все чаще приходится на них напрашиваться, а это, согласитесь, несколько унижительно.

Саша подумала, что чем напрашиваться на комплименты, проще принять свой возраст, принять свое старение как неизбежность и стариться достойно, без всех этих нелепых ухищ-

рений по продлению молодости. Хотя осуждать легко, а кто знает, что ждет ее, Сашу, когда ей перевалит за семьдесят? Ей бы хотелось, чтобы рядом был любимый мужчина, с которым бы они старились вместе. А бегать по свиданиям в преклонном возрасте... Это, безусловно, достойно восхищения, но ей, Саше, этого не хотелось бы. Тем более быть одинокой, никому не нужной старухой. И хотя, казалось бы, ей пока рано об этом думать, но уже сейчас есть предпосылки к тому, что быть ей одинокой старухой, раз уж она сейчас одинокая женщина средних лет без каких бы то ни было перспектив на изменение этого статуса...

Саша внимательно посмотрела на Веру Семеновну. Безусловно, она не выглядела на пятьдесят пять, но и на даму за семьдесят похожа не была. Она была все еще красива. Не хранила следы былой красоты, а была именно красива зрелой, увядающей красотой. Было видно, что к помощи пластической хирургии она прибегала, но без фанатизма. Всегда была подчеркнута элегантно, всегда на каблуках. Никогда Саша не видела Веру Семеновну с вульгарным макияжем, которым иногда грешат пожилые дамы: никаких тебе тонн тонального крема и пудры, кричащих пятен румян, яркой помады. Всегда легкий естественный макияж. Пожалуй, Саша была несправедлива к Вере Семеновне – она стареет именно достойно. Не предается унынию, открыта всему новому, живет, а не доживает. Саша улыбнулась:

– Вера Семеновна, ничего не бойтесь! Ваш Валерий Петрович будет вами очарован, даже не сомневайтесь. Мне почему-то кажется, что с возрастом вы стали только лучше, мягче. Научились ценить мужчин.

Вера Семеновна утерла уголки глаз кружевным платочком.

– Спасибо, милочка, спасибо! А еще говорят, что молодежь у нас пошла черствая, эгоистичная. Правильно, я не верила. Знаете, мне кажется, если я когда-нибудь начну хаять молодежь, это значит, я сдалась, состарилась... Так, вы думаете, милочка, мне нечего опасаться касательно Валерия Петровича?

– Этого, конечно, я вам гарантировать не могу, но как говорится, кто не рискует, тот не пьет шампанского, а вы ведь будете его пить. Ведь непременно потребуете самого дорогого! Знаю я вас, проказницу.

– Да, я всегда была дорогой женщиной, – согласилась Вера Семеновна. – Но раньше я была ветреной кокеткой. А сейчас я, наконец, созрела для серьезных отношений. Так что, возможно, я не стану заказывать самое дорогое шампанское, чтобы не испугать потенциального жениха. Еще подумает, что я транжира! Пора мне уже остепениться, пора! – пожилая дама заливисто рассмеялась. – А вот вам, Сашенька, пора уже немного пораспутничать. Пожить немного в свое удовольствие. Познать радости жизни и... мужчин... Знаете, среди них встречаются прелюбопытнейшие экземпляры! К чему вам заикливаться на одном? – Саша помрачнела. – Ну что за выражение лица, милочка! Нда-а-а, пожалуй, распутничать вам еще рановато, – Вера Семеновна покачала головой. – Распутничать нужно от жажды наслаждений, а не от отчаянья! Сначала вам нужно излечиться. Хотите, подскажу рецептик? Не панацея, конечно, но вполне действенный способ.

И тут Саша неожиданно для себя кивнула. Куда вдруг исчезла ее гордость, куда подевалась ее маска уверенной в себе, сильной женщины? Она готова была сейчас, как девчонка, поверить в чудо. В волшебное лекарство, которое излечит ее от несчастной любви, от этой неизбывной тоски. Благодаря которому она снова сможет улыбаться.

– Это не очень быстрый способ, ведь всем известно, что самый лучший лекарь – это время, – Вера Семеновна усмехнулась. – По крайней мере, в молодости, когда еще есть иллюзия, что человек располагает неограниченным количеством времени. А мой способ заключается в том, чтобы учиться получать маленькие удовольствия от жизни путем подражания.

– Это как?

– Скажите, милочка, вас сейчас радует, например, тот факт, что наступило утро? – Саша отрицательно замотала головой. – А я вот радуюсь, потому что вполне отдаю себе отчет, что

утро следующего дня для меня может не настать. Вы радуетесь чашке кофе? Разговору с подругой? Любимому блюду? Новым туфлям или сумке? Это ведь для вас обыденность? А для меня радость. Видите, в чем фокус? Все зависит от взгляда на вещи. Одних они радуют, а другие их воспринимают как должное. А ведь можно изменить взгляд на мелочи своей жизни.

– Извините, Вера Семеновна, не сочтите меня излишне прямолинейной, но вы сейчас говорите прописные истины, – возразила Саша раздраженно и несколько разочарованно. – Я не раз читала об этом в психологической литературе.

– Вы меня не дослушали, милочка, – Вера Семеновна собралась было обидеться, но все же решила продолжить играть роль великодушной наставницы. – Вы совершенно правы, все говорят, что ни одно событие в жизни не является ни белым, ни черным, только наш взгляд окрашивает его в тот или иной цвет. Все говорят о том, что нужно менять свой взгляд на события, но никто не говорит, как. А у меня есть способ. Так вы хотите его узнать? – Саша кивнула. – Я решила превратить это в игру. Очень занимательную игру. Я ходила по ресторанам, магазинам, фитнес-центрам, ездила по курортам, и наблюдала за людьми. Мне было интересно, от чего люди получают удовольствие. И оказалось, что иногда они наслаждались самыми неожиданными вещами. Выпить пива или коньяка в Макдональдсе, разливая все это под столом. Вы бы видели счастливые лица этих мелких хулиганов. Видела девушку в бассейне, которая совсем не умела плавать, но смогла каким-то чудом пробарахтаться метра два и не пойти ко дну. О! Ее красное от натуги и светящееся от удовольствия лицо я не забуду никогда! Женщины, которые в магазинах кругами ходили вокруг понравившейся пары туфель! Как им было жалко денег, но как светлели их лица, когда они, наконец, решались купить эти чертовы туфли! Молодежь в барах, играющая в мафию или во что-нибудь еще! Толстяки, с вожделем уплетающие любимые блюда! Провинциалы, с восторгом вззирающие на Кремль! Бомж, с упоением затягивающийся подобранным на асфальте бычком! Вы не представляете, столько в мире вещей, от которых можно получать удовольствие! Я, безусловно, не призываю вас собирать бычки! Найдите себе что-нибудь более приятное. Так вот, суть моего метода состоит в том, чтобы наблюдать и подражать! О! Это такая дивная игра! Она дает такую безграничную свободу действий! Если вы раньше ни за что не пошли бы одна в ресторан или в бар, не отправились бы путешествовать в одиночку, то теперь у вас есть и оправдание, и цель – вы исследователь, вы охотник за удовольствиями! Когда-то это меня спасло, к тому же я много нового узнала о людях. Попробуйте! Милочка, вот сегодня же вечером, вместо того, чтобы проводить вечер дома в одиночестве, вместо того, чтобы сокрушаться по поводу своей несчастной доли, наденьте свой самый обольстительный наряд и отправляйтесь в ресторан, сядьте в уголок и наблюдайте. И только, ради бога, непременно наплюйте на то, что могут подумать о вас окружающие. Будьте выше общественного мнения! С какой стати обращать на него внимание? Вы же сама себе хозяйка! Почему вы должны равняться на каких-то чужих людей? Пусть они на вас равняются! В конце концов, все новее создается теми, кто когда-то пошел наперекор общественному мнению.

– Интересная идея, – протянула Саша. – Спасибо, Вера Семеновна, за участие и советы.

– А вы уж простите меня за навязчивость. Я пытаюсь сдерживать свое желание во все вмешиваться, свойственное дамам моего возраста, но у меня не всегда получается.

– Пойдемте, я провожу вас к нашим мастерицам, они вам масочки разные сделают, чтобы вы еще красивее стали и сегодня в честь вашего свидания с потенциальным женихом, вам скидка пятьдесят процентов.

– Вы слишком добры, милочка! Спасибо!

– Вовсе нет, я очень меркантильный человек, иначе я не смогла бы вести бизнес, но сегодня я просто обязана сделать вам маленький подарок, вы очень мне помогли.

Дамы расстались крайне довольные друг другом и полные самых радужных надежд.

Вечер Саша провела дома. В стенаниях о своей несчастной доле. Она так и не нашла в себе сил отправиться на поиски удовольствий.

Это все чушь несусветная! – думала Саша. – Несусветная чушь! Какие удовольствия в моем положении? Какие удовольствия? День прошел, и, слава Богу! Господи, когда-нибудь я смогу снова радоваться? Когда-нибудь я смогу снова смеяться? Когда-нибудь я смогу получать удовольствие хоть от чего-нибудь? Когда-нибудь настанет этот день? Господи, сделай так, чтобы он настал как можно скорее! Отчего такая несправедливость? Старуха семидесяти пяти лет проводит вечер в ресторане в обществе мужчины, у нее свидание, а я вот уже несколько недель провожу вечера в полном одиночестве.

Я ведь еще молода, очень молода. Вера Семеновна права, я еще очень молода! Отчего же я чувствую себя такой старой? Тридцать шесть лет, это ведь возможно, еще даже и не середина жизни. Если, допустим, я доживу до восьмидесяти. И ведь мне нужно как-то прожить еще сорок четыре года. И не могу же я сорок четыре года жить в полном унынии. Так ведь не бывает. Значит, будут у меня в жизни еще радости! Будут успехи! Будет новая любовь! Боже! Мне тридцать шесть лет, а у меня еще нет детей! А вдруг у меня никогда их не будет? Вдруг у меня никогда больше не будет мужчины и детей тоже не будет? Ничего страшного, можно обратиться к искусственному оплодотворению. А почему у меня до сих пор нет детей? Боже, почему я только сейчас об этом задумалась, когда я осталась совсем-совсем одна? Почему он не хотел детей? Почему он всегда был против детей? Почему я не настояла? Почему я только смеялась, когда он говорил: «У тебя уже есть большой ребенок, зачем тебе еще один?». Ненавижу! Из-за тебя я потеряла время! Сколько времени упущено! Ты отнял у меня лучшие годы детородного периода! Из-за тебя у меня нет детей! Из-за тебя я совсем одна! Почему, почему я тогда выбрала тебя? Почему любой выбор по прошествии времени нам кажется неправильным?

Турция. Кемер. 5 лет назад

Саша давно заметила, что женщина пользуется наибольшим спросом тогда, когда она уже занята.

Она приехала в Турцию, чтобы побыть одной. Влад приехал в Турцию, чтобы найти сексуальные приключения, а если повезет, то и любовь. Мужчины, как это ни странно звучит, для некоторых женщин, тоже ищут любовь. Саше тогда не удалось побыть одной. А Влад нашел свою любовь, но не счастье.

Саша всегда считала себя особой довольно приземленной. Романтика была ей чужда. Так уж получилось, что в этом мире она не то что бы жила, она выживала. Какая уж тут романтика? Она не верила во всякие глупости вроде любви с первого взгляда и курортных романов, заканчивающихся фразой: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день». В ее жизненную концепцию эти легковесные явления, пахнущие детсадовской наивностью, никак не вписывались. И вдруг...

– Послушай, ну зачем тебе выходить за него замуж? – вопрошает Влад и с отчаяньем заглядывает в Сашины глаза. – Ну, зачем?

– Все уже решено, – отвечает Саша, и глаза отводит. Тем более что в них уже плещутся непрошенные слезы. – Уже все решено... Свадьба через месяц. Платье купила... Белое... Я в нем похожа на принцессу. Ты бы видел меня в этом платье!

– Я бы очень хотел увидеть тебя в этом платье, но не рядом с этим жиголом, твоим женихом, а рядом со мной. Оставь себе это платье, но смени мужчину!

– Я не могу, я обещала... И я люблю его, – долгая пауза. – Наверное.

Они сидят за столиком в пляжном баре в парке Мун Лайт. Их босые ноги утопают в теплом июльском песке. На их лицах пляшут отблески пламени костра. Совсем рядом, в шумных волнах прибоя танцуют какие-то парочки. Для них отдых только начинается. Для Саши и Влада все уже закончилось. Он отказывается в это верить. Для нее это очевидно. Никому из них не хочется, чтобы все закончилось.

– Ломать свою жизнь только потому, что ты кому-то что-то там обещала? Тебе не кажется, что это глупо? Женская логика, мать ее! – горячится Влад. – Тебе со мной будет лучше. Ты же сама говорила мне прошлой ночью, что тебе никогда ни с кем не было так хорошо!

– Влад, я же даже фамилии твоей не знаю! О чем ты говоришь? Откуда ты можешь знать, с кем мне будет лучше? Откуда ты можешь знать, что тебе будет хорошо со мной?

– Ястребов, – выкрикивает Влад.

– Что ястребов?

– Моя фамилия – Ястребов. Мне двадцать девять лет, я не женат и никогда не был. Я работаю в банке и у меня очень хорошие перспективы карьерного роста. Собственно, я уже начальник отдела. У меня есть своя квартира в Москве. Я не богат, но и не беден. Я коллекционирую пивные пробки, обожаю гонять на байке, сочинять песни и играть на гитаре. И я люблю тебя!

– Крылова. Моя фамилия Крылова. Мне тридцать один год. Я предприниматель. У меня тоже есть своя квартира в Москве. Я не слишком богата, но и не бедна. Я все привыкла делать сама. Иногда я не чувствую себя женщиной, потому что я слишком много работаю, всегда сама принимаю решения и несу за них ответственность. У меня нет времени на увлечения. И я не люблю тебя. Пойми, не люблю!

Саша не хотела быть жестокой, она не хотела делать больно Владу, но она должна была прекратить это безумие. Уже через несколько часов она вернется к своей обыденной жизни. Уже через несколько часов она снова взвалит на свои плечи груз ответственности за свой биз-

нес, за своего непутевого избранника, который умеет лишь витать в облаках бессмысленных прожектов и любить ее, Сашу. Уже через несколько часов она снова станет прагматичной москвичкой провинциального происхождения, в жизни которой есть лишь цели, к которым нужно стремиться. И вершины, которые необходимо покорять. Уже через несколько часов... Почему эта сказка должна закончиться? Откуда вообще взялась эта сказка? Как она, порядочная женщина, могла стать необузданной вакханкой? Как она могла изменить жениху за месяц до свадьбы? И почему она даже не испытывает угрызений совести? Кто она, черт возьми, такая? Та ли она на самом деле, кем привыкла себя считать? Ей нравится быть вакханкой! Ей нравится быть женщиной, а не машиной по зарабатыванию денег. Ей нравится быть женщиной, а не нянькой. Ей нравится, когда за ней ухаживают, когда о ней заботятся. Зачем ей выходить замуж за Питера Пена? Может быть, Влад прав? Жизнь ведь может быть праздником, а не чередой унылых будней, подчиненных могущественному слову «должна».

– А я тебе не верю, – говорит Влад и увлекает ее танцевать под звуки тантамов. Отблески пламени костра пляшут на их телах, извивающихся в прощальном танце обреченной страсти. Блещут звезды, плещут волны. Как скоро это курортное счастье закончится. Почему еще никто не придумал, как можно останавливать мгновения?

Они возвращаются за столик. Они пьют красное вино. Она смотрит ему в глаза. Старается запомнить. Глаза, губы, улыбку, печальную морщинку на переносице. Интересно, сколько она будет их помнить? А зачем их помнить? Это же всего лишь эпизод ее жизни, который куда безопаснее забыть. Но ведь этот эпизод может стать чем-то большим? Ведь может? Или нет? Только она прямо сейчас может это решить. Больше никто.

– Если ты его так любишь, почему ты приехала сюда одна? – допытывается Влад. Он все еще не теряет надежды.

– Я очень много работала, чтобы накопить на эту свадьбу. Я ведь с детства мечтаю, что у меня будет настоящая свадьба: с белым платьем, с фатой, с тортом, с гостями... А эта мечта не такая уж и дешевая, – Саша усмехается. – В общем, я очень много работала и устала. Я поняла, что если я прямо сейчас куда-нибудь не уеду, я просто не выдержу. И вот я здесь.

– А почему ты не поехала с ним?

Саша замолкает, но потом, повинуясь порыву пьяной, отпускной откровенности, решает все-таки признаться:

– А от него я тоже смертельно устала. Видеть уже не могла. Я крутилась как белка в колесе, чтобы заработать нам на свадьбу, а он...

– А что он?

– А он придумывал, как открыть бизнес по продаже каких-то очередных мыльных пузырей. Любой его бизнес-проект похож на мыльный пузырь. И вот он лежал на моем диване и придумывал какой-то очередной безумный проект мгновенного обогащения. А я крутилась как белка в колесе.

Влад рассмеялся:

– Чудесная история! А кто из вас кого замуж-то позвал? Тут, действительно, женщиной себя перестанешь чувствовать, – в Сашиних глазах лисьим хвостом мелькает злость. Влад будто бы ничего не заметил. – Ты его замуж позвала?

– Нет! Он меня! – отвечает Саша. В ее голосе звучит сдавленная ярость, – он меня очень любит. Он не может жить без меня.

– Ну, разумеется, как он сможет жить без своей кормилицы? Ведь это ты его содержишь?

– Он тоже зарабатывает... Просто немного. Пока немного, но у него большой потенциал. Я уверена!

– Ты сама себя сейчас пытаешься убедить?

– Разве деньги главное в отношениях? – Саша почти кричит. – Какая разница, кто зарабатывает деньги, муж или жена? Главное, чтобы людям было хорошо вместе! А нам хорошо

вместе! Он обо мне заботится, он каждый день говорит, какая я красивая, какая я замечательная! Он такой нежный!

– Именно потому, что он такой потрясающий мужчина, ты от него и сбежала!

– Я не сбежала, я просто поехала отдохнуть. Имею я право на отдых?

– Ну, разумеется, это конституционное право каждого гражданина России.

– Ты просто ревнуешь!

– Да, я просто ревную! То есть я не просто ревную, я очень сильно ревную! Иди сюда, чужая невеста! – Влад берет Сашу за руку и притягивает к себе. Она не сопротивляется. – Я не знаю, что там будет дальше, но эта ночь наша, только наша. И я слышать больше ничего не хочу о твоём чертовом женишке!..

На рассвете они сидели на мраморных ступенях отеля и ждали автобус, который должен был забрать Сашу в аэропорт. Влад оставался еще на три дня.

– Я тебя очень прошу, не выходи за него замуж! Как ты не понимаешь, ты совершаешь ошибку! – шептал Влад Саше в ухо и гладил ее колени.

– А что ты мне можешь предложить взамен? – спросила Саша и зевнула. Больше всего на свете она сейчас хотела спать. Для нее вся эта пляжная влюбленность уже закончилась. Она была уже на пороге реальности.

– Я сам на тебе женюсь!

– Очнись, детка! У нас был всего лишь курортный роман! Много ли ты знаешь курортных романов, которые заканчивались свадьбами? Вся твоя страсть испарится в то мгновение, когда ты сойдешь с трапа самолета в Москве. А, может быть, и раньше. Уже сегодня ты можешь встретить смазливую курортницу из вновь прибывших, и с тобой случится новая любовь!

– Может быть, ты и права, но сейчас я тебя люблю, и мне кажется, что мы были бы хорошей парой. Мне кажется, ты именно та женщина, которая мне нужна... А он... Независимо от того, есть я в твоей жизни или нет, он тебе не пара. Ты так и будешь нянчить его и ждать, когда же он, наконец, разбогатеет. А он не будет богатеть, потому что у него для этого не будет стимула, у него ведь есть ты, ломовая лошадь. Его жена, боевая подруга, мать... А однажды он сбежит, потому что не сможет тебе простить, что ты его содержала. Это же такое унижение для него! Он же мужик! Или разбогатеет, что вряд ли, конечно. И тогда, тем более, сбежит, потому что мамка ему больше не будет нужна! А меня не нужно содержать, я сам умею зарабатывать. Не хуже тебя, поверь мне! Мне женщина нужна, любовница, жена! Я бы баловал тебя... Ты бы родила мне сына и дочку, и мы бы вместе их баловали!

– Почему романтически настроенные мужчины встречаются исключительно на берегах всевозможных морей, а в мегаполисах бродят только прожженные циники, эгоисты и женоненавистники?.. Почему не едет автобус? Почему он опаздывает?

– Вот и хорошо, что опаздывает! Санечка, неужели ты думаешь, что наша встреча была случайной? Так ведь не бывает. Ничего случайного не бывает.

– И что же может означать наша встреча?

– Для кого?

– Для меня, например?

– Ну... – Влад задумался. – Например, судьба могла непрозрачно намекнуть, что не так уж сильно ты и любишь своего жениха, если оказалась в постели со мной. А, может, она не намекнула, а прямо сказала, что не нужно тебе быть с тем мужчиной, а нужно быть вот с этим, потому что он подходит больше, и будешь ты с ним счастливее. Да она просто дала тебе шанс изменить свою жизнь, свернуть на другой путь, быть с другим мужчиной! Все же ясно, как божий день!

– А может, судьба предоставила мне возможность понять, правильно ли я сделала свой выбор? Правильно ли я выбрала своего единственного мужчину из миллионов других?

– И как? Правильный выбор ты сделала?

– А вот и автобус! – Саша поспешно вскочила. – Да ни в чем она не была сейчас уверена! Ей хотелось поскорее уехать от Влада. Еще больше ей хотелось с ним остаться. Что лучше – новое, манящее своей неизвестностью или проверенное, надежное, пусть и не слишком подходящее старое? – Прощай! Ты потрясающий! Почему же ты мне не встретился раньше?

Они порывисто обнялись. Что может быть слаще прощального объятия? Что может быть горше прощального объятия?

– Я буду ждать твоего звонка, – прошептал Влад, когда оторвался от Сашиных губ, от ее тонкого тела, покрытого красноватым загаром.

– Заходите в автобус, – сказала девушка-гид. – Нам пора ехать...

Саша так и не позвонила Владу. Она собиралась. Она даже мечтала об этом, когда ехала в аэропорт. Она представляла себе, как звонит ему, когда летела в самолете. В ее дерзновенных мечтах она даже пускалась во все тяжкие, бросала жребий и переходила Рубикон – убегала от своего жениха-неудачника и жила долго и счастливо со своим самоуверенным героем-любовником. И рожала от него детей, и они вместе их баловали. Но когда в зале прилета Домодедово ее встретил сияющий, счастливый, такой родной мужчина, который вскоре должен был стать ее мужем, она устыдилась и своих нелепых мечтаний, и связи свой курортной устыдилась и предпочла о ней забыть поскорее. Это был всего лишь предсвадебный дурман. Паника. Истерика. Усилада усталого тела. Небольшой карнавал под наглыми огромными турецкими звездами, случившийся почти во сне, в пьяном угаре ол-инклюзива. Что угодно, только не любовь. Ничего вообще не было. Не было никакого Влада. Не было никакой страсти. И сожалений никаких быть не должно. Она о нем не вспоминала. До тех пор, пока все у нее было относительно хорошо, до тех пор, пока не сбылось пророчество Влада, пока от нее не сбежал муж, которому больше не нужна была мамка... А вдруг Влад все еще ждет ее звонка?

Москва. Кафе. Вечер пятницы

На принятие положительного решения относительно целенаправленного поиска удовольствий у Саши ушла целая неделя. Оказалось, что это не так-то просто – искать в жизни удовольствия вместо страданий...

Она долго шла по неугомонной Тверской, поливаемой ноябрьским ледяным дождем. Выбирала, куда бы ей зайти, где ее одинокое появление будет уместно. В итоге зашла в первое попавшееся кафе, когда совсем уж одолел холод. Там было тепло, шумно и накурено. Ни один человек, кроме администратора, не взглянул на нее. И, действительно, что на нее смотреть? Так, не слишком молодая худая женщина в неприметном черном пальто с намокшими от дождя длинными волосами. Не слишком привлекательное зрелище.

– Вы одна? – спросила Сашу юная девушка-администратор. Саше показалось, что в ее голосе промелькнуло презрение.

– Да, забежала к вам погреться. На улице совершенно отвратительная погода, – почему-то начала оправдываться Саша.

Девушка понимающе улыбнулась и проводила посетительницу к самому маленькому столику в кафе. Однако рядом с ним стояло два стула.

– Это что же, столиков для одного не существует? – подумала Саша. – Сколько в этом городе одиноких людей? Сотни тысяч, а то и миллионы. И никто-никто не решается это продемонстрировать публично? Никто не решается посидеть в одиночку в кафе? Все вон, кто вдвоем, кто в компании. Одиночество, это что же, признак неполноценности? Это что же, появляясь одна в кафе, ты признаешь, что совсем-совсем никому не нужна? Но никому, разумеется, не хочется в этом признаваться. А вдруг обо мне подумают, что я от отчаянья пришла сюда сниматься? Что там говорила Вера Семеновна: «нужно быть выше общественного мнения»? Так вот, я выше общественного мнения. Я выше общественного мнения. И вообще, у меня здесь миссия – я охотница за удовольствиями. У меня здесь намечается приключение созерцательного характера. А что, наблюдать за чужими приключениями, это ведь тоже приключение!

Для начала Саша заказала себе чашку кофе. Для разминочки. Но сейчас она посмотрит, какой напиток и какое блюдо вызывает у публики наибольший веселящий эффект и закажет себе тоже самое. Когда Саша сделала первый глоток кофе, приятное тепло разлилось по ее пищеводу, когда она, наконец, согрелась, она вдруг почувствовала, что счастлива. Да разве это важно, что она сейчас одна? Она ведь жива. Она может сейчас сидеть в кафе и пить этот чудесный кофе. Ну, подумаешь, она сейчас одна, но ведь уже завтра все может измениться. Да что завтра, уже через несколько мгновений все может измениться! Ведь в жизни нет ничего постоянного. И одиночество – это тоже не навсегда...

Она выбрала двух девиц. Было им лет по двадцать пять-двадцать семь, были они слишком тщательно одеты и накрашены для вечера пятницы и этого вполне демократичного кафе. Девушки задорно пили шампанское и довольно вяло ковырялись в карпаччо из лосося с рукколой. До Саши долетали обрывки их разговора. Они обсуждали каких-то мужчин. Кто как на кого посмотрел, кто что сказал, и что все это может значить. Главный вопрос повестки дня – влюблен ли некий Кирилл в девуцу в изумрудной атласной блузке, или эта влюбленность не более чем плод ее уставшего от одиночества воображения. Девушкам было весело. Их явно забавляла эта дивная игра в разгадывание психологических ребусов. Это явно наполняло их жизнь неким призрачным смыслом. Чем, в конце концов, придуманная любовь хуже настоящей? Главное, чтобы она была. Девушки пребывали в предвкушении чуда. А та, в изумрудной блузке, постоянно глупо улыбалась, глаза ее смотрели мимо реальных предметов и людей. Взгляд ее был устремлен куда-то внутрь себя, в фантазии, туда, где ее роман с этим Кириллом уже происходил. Там все у них уже было. Девушка была влюблена...

Саша заказала себе шампанского и карпаччо с рукколой. Все как у девиц. Вряд ли Саша могла бы прямо сейчас влюбиться, но никто ведь не запретит ей мечтать о любви и рисовать светлый образ будущего любимого. В своем воображении она могла создать кого угодно – самого красивого, самого умного, самого заботливого и самого успешного мужчину. И вот она уже бежала по кромке прибоя в прозрачном белом платье с белокурым, загорелым, стройным, высоким красавцем. Он кружил ее, опрокидывал в волны и они целовались. Поцелуи были соленые, сладкие и головокружительные... Вот оно, наслаждение номер один в новой коллекции Сашиних удовольствий – позволить себе мечтать. Не копаться бесконечно в прошлом, а устремиться в будущее. Да и в настоящем ей в данный момент было весьма комфортно.

– Вы одна? – Саша была грубо вырвана из объятий воображаемого красавца низким, хриловатым мужским голосом. Снова этот дурацкий вопрос. Перед ней стоял молодой человек лет тридцати, не слишком высокий, темноволосый, в светлых джинсах и черном пальто, похожем на бушлат. – Там очередь на входе образовалась, а я замерз страшно, пришлось соврать, что я с вами. Можно присесть за ваш столик? Я не буду слишком навязчив, – он обаятельно улыбнулся.

Саша растянула губы в улыбку, пытаясь скрыть досаду, и кивнула. А ведь могла бы и отказать – она только-только начала получать удовольствие от того, что в данный момент совсем одна. Откуда он взялся? Зачем? Она была сейчас расположена к созерцанию, но отнюдь не к новым знакомствам.

Молодой человек снял свой бушлат, повесил его на вешалку и плюхнулся на стул напротив:

– Спасибо, – произнес он и снова обаятельно улыбнулся, жестом подозвал официанта, не заглядывая в меню, заказал бокал пива и пасту с белыми грибами, достал из кармана сигарету и закурил с явным удовольствием. – Вы не возражаете? – спросил он запоздало. Саша не возражала. Она принялась за свою рукколу, но, оказалось, что есть в непосредственной близости от совершенно незнакомого, симпатичного мужчины не так уж и уютно. Удовольствие было безнадежно испорчено. Она тоже достала из сумочки сигарету. Молодой человек предупредительно поднес ей зажигалку.

– Вы не беспокойтесь, как только освободится столик, я пересяду, не хочу вам мешать, – сказал он виновато.

Саша оглянулась вокруг – все были поглощены едой, напитками, разговорами: уходить никто не собирался.

– По-моему, это случится очень нескоро, – усмехнулась Саша, – раз уж нам предстоит разделить трапезу, предлагаю познакомиться. Отужинать со знакомым человеком, как мне кажется, гораздо приятнее, чем с незнакомым.

– Борис! – представился молодой человек и снова улыбнулся. На сей раз не просто обаятельно, а с оттенком теплоты и приязни.

– Алиса! – соврала Саша. Так она называла себя в далекой юности, когда знакомилась с парнями – ей казалась, что это имя добавляло ее образу таинственности. В те времена она наивно полагала, что в женщине непременно должна быть какая-то загадка, а лучше несколько. Она воображала, что таинственность эта добавляет ей притягательности. Ни с одним из тех, кому она назвалась Алисой у нее так ничего и не вышло. И время уже стерло их имена и лица из всех архивов ее памяти. Наверное, глупо надеяться, что этот вот мужчина напротив, в синем джемпере из тонкого трикотажа с v-образным вырезом, может быть ее половинкой. Хотя, он, безусловно, весьма неплох – широкие плечи, яркие голубые глаза, чувственные пухлые губы и подбородок, который некоторые романисты называют волевым. И пальцы у него, длинные, тонкие. Аристократичные пальцы. Она даже представила, как он касается этими своими пальцами ее спины. Тут же отогнала эту фантазию, ибо тело ее, изнуренное долгим отсутствием любви, тут же впало в томление, которое в данной ситуации было неуместным. Неуместным,

потому что Саша не спит с кем попало. Потому что этот человек явно не был ее половинкой. Потому что она вряд ли еще его увидит. И она уже назвалась Алисой, а это значит, что ничего путного из этого случайного знакомства не выйдет. Проверено. И не раз.

– Книжное какое-то имя, ненастоящее. Вас на самом деле так зовут? – засомневался Борис.

– Какая разница? – пожала плечами Саша. Сегодня побуду Алисой.

– Алиса, так Алиса, – тут же согласился Борис. Ему принесли пиво. – Ну, за знакомство! – провозгласил он и поднял свой бокал.

Саше отчего-то захотелось, чтобы этот мужчина, который сидел с ней сейчас за столиком, проявил к ней хоть какой-то интерес. Чтобы во взгляде его читалось желание, чтобы он начал распушать перед ней хвост, начал что-то рассказывать о себе, хвастать существующими и несуществующими успехами. Ей хотелось, чтобы он начал ее соблазнять. Но Борис молча пил свое пиво и разглядывал нарядных девиц за соседним столиком. Они были молоды и веселы. А Саша давно уже не молода и особых поводов для веселья у нее тоже не было, хоть и заглянула она в это кафе в поисках удовольствия и радости.

– Почему вы один? – спросила она. – Вечер пятницы, все в компаниях, а вы один.

– Вы же тоже одна. Что в этом такого?

– Я жертва обстоятельств, и если, честно, мне бы очень не хотелось сейчас быть одной, но... Я одна, и пытаюсь сейчас найти хоть какие-то плюсы в этой ситуации, но, к сожалению, пока не получается, – Саша совсем помрачнела.

– Тоже мне повод для грусти – одна, – усмехнулся Борис. – Иногда очень полезно побыть одной. Природа, как говорится, не терпит пустоты, и пустой стул за вашим столиком недолго оставался таковым. Случай занес на него меня, – он мило улыбнулся. Но не кокетливо и не заинтересованно, заметила про себя Саша. – Веселее, Алиса, веселее. Знаете, одиночество это не так уж и страшно. Это всегда обещание новых встреч. Можете мне поверить, уж я-то в этом разбираюсь.

– Вы что же, волк-одиночка, закоренелый холостяк?

– Это вы что же, сейчас так неуклюже пытаетесь выяснить мое семейное положение? Уж не приударить ли вы за мной решили? – Борис рассмеялся.

Саша обиженно поджала губы.

– Вот еще! Не льстите себе!

Борис хохотал еще сильнее.

– Вы сейчас очень напоминаете пятнадцатилетнюю девчонку. Вы, наверное, давно не общались с посторонними мужчинами.

– С чего это вы взяли?

– О! Я великий психолог. Могу многое рассказать о человеке, взглянув на него два раза.

– И что вы можете рассказать обо мне?

– Я очень дорогой психолог, но ладно уж, так и быть, расскажу вам, что было, что будет, чем сердце успокоится. В конце концов, вы оказали мне услугу, когда пустили за свой столик, – Борис пристально посмотрел Саше в глаза. – Начнем с того, что никакая вы не Алиса. Это ваш, творческий, так сказать псевдоним. Так? – Саша кивнула. – Вам около тридцати лет. Может быть чуть меньше, может быть чуть больше. Так?

– Ну-у... почти.

– Больше или меньше?

– Неприлично задавать барышне такие вопросы.

– Пусть барышня не забывает, что она сейчас находится на приеме у самостоятельного психолога, а это все равно, что на исповеди. Психологам и священникам не врут. И еще не врут случайным попутчикам в поезде Москва – Владивосток. Представьте, что я он и есть. – Борис сурово погрозил пальцем.

– Мне тридцать шесть, – призналась Саша.

– Не считите за комплимент, но вы выглядите моложе. Идем дальше. Вы недавно расстались с мужем или с бойфрендом. Так? – Саша кивнула. – Это он от вас ушел? – Она снова кивнула и опустила глаза – они начали наполняться слезами. Только этого еще не хватало, разреваться в публичном месте, да еще перед едва знакомым мужчиной. – И сейчас вы считаете всех мужиков редкостными мерзавцами, подонками и негодьями?

– Не так все запущено. Только одного.

– Это радует. Значит, я могу сделать вывод, что меня вы не считаете негодяем. Продолжаем сеанс. Вы неожиданно остались одна и теперь решительно не знаете, что делать с этим одиночеством, вам в нем не комфортно. Вы привыкли делить жизнь на двоих, а тут на тебе... Одна, совсем одна! Неуютно вам с собой наедине-то. Плюс, когда расстаешься с близким человеком, ты теряешь не только его, ты теряешь еще и привычный образ жизни. А это же кошмар! Это ужас!

– Откуда вы все это знаете?

– Людям кажется, что они выбирают разные дороги, но в итоге все мечутся по одному и тому же замкнутому кругу: любовь, ненависть, предательство. Я тоже через это прошел... несколько лет назад.

Саша печально вздохнула:

– И как вы справились тогда?

– Выбрал свободу. Решил быть один.

– Но ведь одиночество, это проклятие нашего времени. Все боятся остаться один на один с собой. Все спасаются от одиночества как могут. Кто живет не понятно с кем, лишь бы не быть одному, кто переселяется в виртуальное пространство и заводит сотни и тысячи, так называемых друзей в социальных сетях и все только ради того, чтобы создать иллюзию, что ты не один в этом мире. Я знаю дамочек, которые даже детей рожали с одной единственной целью, чтобы в старости было кому принести пресловутый стакан воды. А вы, значит, плюнули на все и на всех и выбрали свободу?

– Абсолютной свободы не бывает, вы же понимаете. Есть только разные степени несвободы. У меня вот она небольшая. И я вовсе не отшельник. У меня много друзей, но, тем не менее, когда я совсем один, мне хорошо.

– А когда вы возвращаетесь в свой дом, где вас никто не ждет, неужели вам это нравится? По-моему, это самый страшный момент в одиночестве, когда ты приходишь домой, а там тишина. И ты включаешь телевизор или радио, чтобы хоть как-то заполнить эту тишину, ты создаешь видимость, будто в твоей квартире кто-то есть. Хотя бы эти мужчины и женщины из телевизора, которые даже не подозревают о твоём существовании. Неужели к этому можно привыкнуть? – Саше снова захотелось плакать. Она уже представила момент своего возвращения домой, и он, как обычно, в эти последние несколько скорбных недель, вверг ее в тоску и отчаяние. Она даже допустила смелую мысль, которую не позволяла себе несколько замужних лет, что если бы мужчина, который сидел сейчас напротив, предпринял попытку ее соблазнить, она бы не устояла. Собственно, она и сама была готова его соблазнить, но уже совершенно забыла, как это делается. К тому же она воображала себя сейчас очень непривлекательной: некрасивой, унылой, никому не нужной женщиной. Разве может кому-то понравиться человек, которого отвергли, которого вышвырнули из своей жизни, как старый, отслуживший свое видеомагнитофон. К черту все моральные запреты, которые она сама себе же и напридумывала.

Правда, Вера Семеновна, правда... Нужно бы ей пораспутничать. Только вот как нужно распутничать, пожилая актриса не сказала. Как вызвать интерес у мужчин, она не посоветовала. А этот вот Борис, сидит сейчас с ней, изображает крутого психолога исключительно из жалости и какого-то униженного сострадания, а вовсе не из желания ее обольстить. Это хорошо, что на свете есть добрые люди, способные придти на помощь едва знакомому чело-

веку, только вот человеку этому нужно сейчас совсем другое – не слова, а поцелуй, внезапно возникшая страсть, пусть даже и продлится она всего несколько часов. Саше хотелось сейчас чувствовать себя желанной. Но Борис тем временем говорил весьма участливо, но абсолютно бесстрастно:

– А мне нравится возвращаться в свою пустую квартиру. Мне нравится, что у меня вообще есть дом. Ведь если задуматься, в этом городе сотни тысяч живут с перманентным чувством бездомности, маются по съемным углам и даже не мечтают о собственной квартирке. А мне нравится мой дом. И мне нравятся его тишина и пустота. Я включаю свет, и из темноты появляется мой собственный мир, который я создал специально для себя. И я могу в нем делать все, что захочу: могу валяться на диване прямо в ботинках, могу сидеть перед телевизором, пить пиво и есть чипсы. И меня абсолютно не беспокоит, что я после этих посиделок, весь ковер покрыт крошками, а пустые бутылки я могу неделями забывать выкинуть. Это мое пространство! Это моя жизнь, и я могу себе позволить роскошь, делать все, что мне вздумается. И никто тебя не пилит за поздние возвращения домой, не говорит часами о каких-то пустяках, когда тебе просто хочется побыть в тишине, никто не закатывает сцен ревности к другим женщинам, к работе, к компьютеру, к машине, ведь вы, милые дамы, можете ревновать к чему угодно. Никто не льет слезы по любому поводу. Да, мне безумно нравится жить одному! Это такое счастье! Я уже даже и не представляю, кого-то еще в своем доме.

Саша раньше и не задумывалась, что в одиноком бытии есть какие-то плюсы. Она была склонна видеть одни лишь минусы. Она тут же припомнила, как портилось у нее настроение, когда возвращалась домой после работы усталая, нагруженная пакетами из супермаркета, и встречал ее равнодушный муж, который был не слишком-то и рад ее видеть, потому что оторвала она его от любимой компьютерной игры. Как он целовал ее в щеку, но это была лишь дань традиции и ничего больше.

Вспомнила, как громоздились в мойке на кухне горы посуды, которую любимый муж так и не удосужился помыть, хоть и просидел дома целый день. Вспомнила, как вместо того, чтобы просто отдохнуть, загружала всю эту посуду в машину, разбирала пакеты с продуктами, готовила ужин, а муж тем временем возвращался к своим играм, а, может быть, и виртуальному флирту. Он возвращался в реальность и к ней, к Саше, только когда ужин был готов, и она звала его за стол.

Как же он ее тогда раздражал. Какой несправедливостью ей представлялось то, что этот бездельник наслаждается жизнью, а она непрестанно работает, содержит и себя, и его. Ей тогда казалось, что она вправе рассчитывать хотя бы на помощь по дому. Но ее любимый мужчина полагал, следуя канонам воспитания своей мамочки, что вся эта рутинная домашняя работа исключительно женская забота, а он, будучи мужчиной, не может так унижаться. И Саше приходилось везти этот семейный воз в одиночку. Неудивительно, что у нее часто болела спина. Совсем неудивительно. И она тут же вспомнила, что он часто делал ей массаж. Она все ему тут же прощала – своими ласковыми руками он каждый день доказывал, что все-таки любит ее, а то, что он мечтатель и лентяй, так это же не недостаток, а всего лишь особенность. Совершенных мужчин не бывает. И женщин тоже.

Какая же она была дура! Как же она умудрялась столько лет не замечать, что он ее всего лишь использует! А, может быть, у него и интрижки на стороне были? Может быть, он приводил своих девок домой, пока ее не было? А она была так занята и так наивна, что не замечала ничего? Но его руки... Сейчас она готова была ему все простить, лишь бы он снова к ней прикоснулся.

– Да, вы правы, – сказала Саша, – одиночество может иногда означать свободу. Но и она ведь хороша, пока ты здоров, а вот если вы заболаете? Кто вам сходит в аптеку за лекарствами? Кто вам приготовит чай с медом?

– Я ведь не в скиту живу. У меня есть друзья и подруги. Найдут они время и съездят в аптеку за лекарствами. Но, конечно, лучше не болеть, – Борис усмехнулся. – Понимаете, люди боятся одиночества не только потому, что если не дай бог с ними что-то случится, о них некому будет позаботиться. Хотя этот страх, конечно, вполне обоснован. Люди не любят себя, им скучно наедине с собой. Да что там скучно, им тошно! Все их тараканы тут же вылезают и начинают противными своими усищами шевелить в их головах... Вот ведь в чем главная проблема одиночества. А когда рядом кто-то, особенно если ты придумал, что любишь этого кого-то, так можно о себе-то и не помнить, все мысли, чувства и дела посвятить ему, любимому. Он наш спаситель, он ведь нас от нас самих спасает.

– И что же вам удалось справиться с этой проблемой? – скептически поинтересовалась Саша.

– Разумеется! – Борис улыбнулся. – Я парень хоть куда: молодой, красивый, умный, великодушный, смелый, сексуальный. Не бедный опять же. За что мне себя не любить? Я очень хороший человек. – Счет, пожалуйста, – обратился он уже к официанту.

– Но ведь у человека есть разные потребности, которые не всегда удается удовлетворить самостоятельно. Например, сексуальные, – Саша покраснела.

– Не заставляйте меня говорить пошлости, милая барышня Алиса, – мужчина рассмеялся. Официант принес счет. Борис вынул деньги из бумажника, положил на стол. – Рад был знакомству. Извините, но наш психотерапевтический сеанс закончен, я должен идти. Кстати, о сексуальных потребностях и их удовлетворении: у меня сегодня свидание с одной очаровательной особой. Я с ней иногда встречаюсь по пятницам, чтобы, так сказать, скрасить свое одиночество. Да, и еще одно: раз вам так плохо наедине с собой, может, вы плохо относитесь к себе? Подумайте об этом. Но я уверен, что все у вас будет хорошо. Обязательно все будет хорошо. Главное, не раскисайте. Удачи! – Борис торопливо накинул свой бушлат и вышел из кафе.

Саша заказала себе сто пятьдесят грамм портвейна. Именно они должны были скрасить ее одиночество сегодня.

Ночью она металась в своей необъятной одинокой постели и мысли терзали ее.

Как это я себя не люблю? Конечно, я себя люблю. Только вот, когда тебя бросают, очень трудно сохранить любовь к себе. Как ее сохранить, если тебя оттолкнули, не оценили, когда от тебя попросту избавились, как от вещи, которая стала ненужной? Да еще и Борис этот... Он ведь смотрел на меня как на бесполое существо. Он ведь совсем не видел во мне женщину. А женщина ли я вообще? Я столько лет была главой семьи, мужиком в юбке. Я была жесткой, целеустремленной, властной. Может ли такая нравиться мужчинам? Наверное, такая баба может их только испугать. Но вчера я была не сильной вовсе, а слабой и несчастной. Так что же, я теперь не могу вызывать желания? Только жалость? Господи, а когда за мной в последний раз кто-нибудь ухаживал? Когда мне в последний раз дарили цветы? Когда в последний раз мужчина платил за меня в ресторане? Кто я, сильная баба или слабый мужик? Кто я? Как мне вернуть женственность? Как мне стать сексапильнее? Юбочки что ли коротенькие начать носить? И почему я не понравилась этому Борису? Мне многие говорят, что я красивая. Да и выгляжу я моложе своих лет. Он сам сказал, что я выгляжу моложе... А кто, интересно, этот Борис? Он на самом деле психолог? Или он просто опытный? Он похож на творческого человека. Может быть, он какой-нибудь бывший музыкант, который сейчас прикидывается менеджером среднего звена? Хотя, какая разница? Мы больше никогда не увидимся. А было бы здорово увидеться с ним снова. Было бы здорово с ним снова поговорить. Он такой умный. Почему же я ему не понравилась? Я больше никому никогда не понравлюсь? Но ведь так не может быть! Я не могу всем нравиться, но и не нравиться всем я тоже не могу. Почему так получается, судьба сводит нас с кем-то на несколько коротких мгновений, а потом разводит навсегда? Зачем был этот Борис?

Где-то в Москве. Ночь

Он заплатил за Сашино пиво, вальяжно встал, накинул грубоватую дубленку а-ля хиппи поверх толстого вязаного джемпера с высоким воротом и почти приказал: пошли! Саша послушно встала и пошла. Как под гипнозом. Даже не поинтересовалась, куда он ее зовет. Да за таким, хоть на край света.

Как-то в морозный декабрьский вечер поиски удовольствий завели Сашу на станцию 1905 года, а дальше, гонимая холодом, подошла она к пабу. Там гремела музыка, и за версту несло пивом, чесночными гренками, жареными колбасками и весельем. Небольшая была Саша охотница до незамысловатых радостей, да азарт коллекционера захватил ее, и нес уже бездумно, одним инстинктом, как гончую, взявшую след русака. Вот она открывает дверь: клубы табачного дыма, взрывы хохота, гомон, простецкие запахи еды... Здесь хорошо.

В прежние времена Саша любила пафос и изысканность, а сейчас все больше склонялась к непринужденности, простоте да шуму-гаму. В демократичных заведениях было душевнее, что ли. Но дорогие рестораны Саша тоже посещала, ибо ее коллекция, безусловно, не должна была быть односторонней. Разнообразие – вот к чему сейчас стремилась молодая женщина. Монотонность будней и пустые вечера, полные тоски и раздумий были прекрасным аккомпанементом к ее одиночеству, которое она пока так и не смогла принять. А вот к свободе, которая являет собой оборотную сторону одиночества, шли совсем другие декорации. Следствием свободы должны быть события и вольные поступки. Иначе свобода теряет смысл.

Ей мечталось превратить свою жизнь в вечный праздник, как калейдоскоп, сложенный из развлечений, разговоров, старых и новых людей... Она твердо запомнила слова Бориса: одиночество – это обещание новых встреч. И новой любви, добавляла про себя Саша. Пока судьба не исполняла свое не озвученное обещание, но, оказалось, что находиться в поиске, в ожидании, в нетерпеливом предвкушении – это тоже своего рода удовольствие.

Она заметила его сразу – неправдоподобно красив. Будто вырезали его из глянцевой обложки и оживили неумной энергией девичьих грез. Тут тебе и рост почти великанский, и стать, и размах плеч, и пленительная узость бедер, и властный серый взгляд, и чувственный толстогубый рот, и длинные пшеничные волосы, будто заласканные солнцем. Он сидел со своими друзьями, которые все тоже были красавцы, очень обыденно пил пиво, ел чесночные гренки и крылышки баффало.

– Разве боги пьют пиво и едят всю эту плебейскую ерунду? – подумала Саша. Она глаз отвести не могла от этого мужчины. Точнее мальчика, ибо был он невыносимо молод. Невыносимо для нее, Саши. И молодость его, и красота эта неземная делали этого мужчину совершенно для нее недоступным. Но ведь никто не запрещает ей на него смотреть. Неприлично, неотрывно. Да, пусть! Какая разница, что о ней подумает он сам, и все остальные. Смотреть на него, пялиться, это же все равно, что на бесценную греческую статую в музее глазеть – можно только любоваться, но не обладать. И не одна Саша им любовалась. Все на него поглядывали, и женщины, и мужчины. Кто с завистью, кто с вожделением. Саше даже подумалось, что если бы можно было и в самом деле стрелять глазками, он бы был изрешечен. Места бы живого не осталось. Хорошо, что это выражение всего лишь метафора. А как, должно быть, забавно выглядел бы процесс пожирания глазами, реальный, а не метафорический. Саша рассмеялась своим мыслям.

И тут этот невозможный красавец осматривается и неожиданно останавливает взгляд на ней, Саше. Он ей даже игриво подмигнул. И это ей не привиделось. Она готова поклясться. Саша кокетливо улыбается в ответ и стыдливо опускает глаза, а когда поднимает, красавчик уже идет к ней.

– Ты ведь не против? – спрашивает он у Саши и, не дожидаясь ответа, плюхается на соседний стул, а на стол водружает свой бокал с пивом. – Андрей, – он протягивает руку для рукопожатия, тут же ее отдергивает, виновато улыбается, обтирает ладонь об джинсы и заново протягивает руку.

– Саша, – она пожимает протянутую ей руку и отмечает ее твердую гладкость и силу.

– А ты клевая, – заявляет он.

В последующий час он допил свое пиво, заказал еще себе и Саше, раза два, будто бы случайно, погладил ее коленку, потом раза три уже облапал совсем не случайно, раз пять ее обнял, два раза поцеловал в щеку, потом в шею, а потом уже и в губы. Саша не возражала. Она не верила своему счастью. Девицы за всеми окрестными столиками истекали ядом зависти. Говорил Андрей мало.

И вот он расплачивается за свое пиво, за Сашино пиво, встает, надевает свою богемную дубленку в стиле семидесятых, помогает одеться Саше и властно приказывает: пошли!

Она не знала, куда ее везут – в такси Саша и Андрей запойно целовались.

Он овладел ею прямо у порога. Перед тем, как наброситься на нее, он шепчет:

– Я сейчас взорвусь. Ты такая секси, детка!

– Ну, вот я и распутничаю, и, кажется, мне это нравится, – думает Саша.

Второй раунд любовной схватки происходит уже на разложенном диване. Постельное белье откровенно несвежее. Саша с трудом подавляет в себе чувство брезгливости. Ей все мерещатся чужие волосы, запахи чужих тел и чужих духов. Вскоре накрытая упругой тяжестью совершенного загорелого мужчины, она перестает об этом думать.

Вспомнила часа через полтора, когда Андрей уже безмятежно спал. Саша не спала. Она уже привыкла спать одна. Тут-то ее и настигли снова эти чужие волосы и чужие запахи. Захотелось сбежать домой, в свою уютную спальню с чистыми шелковыми простынями. Оказывается, простые люди вроде нее, Саши, обитают в красивых просторных квартирах, а прекрасные языческие боги в убогих, пыльных халупах со старой мебелью и ободранными, линялыми обоями. Хотя богам, наверное, все равно, где жить, у них, наверное, какие-то другие радости и приоритеты.

Саша смотрела на спящего любовника и улыбалась: как же он великолепен. Вот только повторится ли эта ночь? Что-то Саше подсказывало, что эта ночь была первой и последней. Он любвеобильный языческий бог, он любит мгновение, а затем устремляется покорять новую красавицу. Почему он выбрал ее? Может быть, она не так уж и стара, как ей казалось? Может быть, она все еще хороша и привлекательна? Наверное, так и есть. С этой счастливой мыслью Саша и заснула.

– Вставай, детка, вставай! – Андрей тряс Сашу за плечо. – Тебе пора.

Она открыла глаза, увидела продавленный диван, несколько помятого Аполлона, поняла, что этот Аполлон ее довольно настойчиво выпроваживает и, судя по всему, даже имени ее не помнит. Она почувствовала себя трехрублевой блядью, которая отдалась неизвестно кому за две бутылки пива.

– Да, да, конечно, я сейчас, – забормотала Саша, – прикрылась одеялом и принялась озираться в поисках своей одежды.

– Ну, ты, это, не спеши, – отозвался Андрей, – кофе пошли пить, – он протянул ей платье. – Голая ты выглядишь даже лучше, чем в одежде, но холодно тут. Хотя ты такая горячая, что, может, и не замерзнешь, – он хохотнул как-то неприлично. – Я бы с тобой еще это... Ну, ты понимаешь, только улетаю я сегодня. Он взглянул на часы, назойливо тикавшие над диваном. – Хотя успеем еще. В душ только сбегай по-быстрому.

Саша почему-то снова ему подчинилась.

Позже они сидели в маленькой кухне, заваленной грязной посудой и пустыми бутылками от пива и рома. Пили растворимый кофе без сахара из чашек, покрытых коричневым налетом.

Андрей удовлетворенно молчал, а Саша все хотела задать вопрос, да все не решалась. И вот, когда в ее в чашке осталось два глотка остывшего кофе, а Андрей стал украдкой поглядывать на настенные часы, советских времен, Саша все – таки спросила, чуть-чуть покраснев:

– А почему ты выбрал меня?

– В смысле?

– В баре же было полно молодых красивых девчонок, а ты подошел ко мне. Почему?

– Ты же, это, тоже молодая и красивая. Понравилась, вот и подошел. Че-то я тебя не догоняю. Че за странные вопросы?

– Я тебе правда понравилась? – Саша искреннее удивилась.

– Ну, ты, мать, это, даешь! А че б я тебя сюда притащил, если бы у меня на тебя не вставало? Ты, это, горячая штучка. Я таких с первого взгляда определяю.

– Ты считаешь меня шлюхой? – Сашины глаза начали наполняться слезами.

– Это, детка, не люблю я таких разговоров. Странная ты какая-то. Ты не шлюха, ты, как эта, целка, которая отдалась на первом свидании из любопытства, а потом думает: «Ё-моё, че я натворила-то». Ты, это, слезы-то не лей. Нормально все. Ты же, это, не дура? – Саша кивнула, хотя и не была в этом уверена. – Ты ведь, это, не думаешь, что я на тебе жениться собрался? – Саша отрицательно помотала головой. Она точно так не думала. – Вот и молодец. Детка, ты, это, извини, но мне собираться надо. У меня самолет скоро. И, это, я пока шмотье буду в чемодан кидать, ты, это, посуду помой... Пожалуйста. – Добавил он после некоторого раздумья. – Ну, это, я не заставляю. Если не трудно тебе. Детка, – он страстно поцеловал Сашу в губы.

Она покорно встала к мойке. Сама не понимала, почему она его постоянно слушается. Что у него за власть над ней? Притягательность совершенства? Хотя какое он совершенство. Пожалуй, если бы у них завязались отношения, уже на третьем свидании ей стало бы с ним невыносимо скучно. Жаль, что третьего свидания не будет. Впрочем, и второго тоже.

– А куда ты уезжаешь? – крикнула Саша, намыливая тарелку древней полуистлевшей губкой – моющего средства для посуды в этой холостяцкой норе не водилось.

– За волной! – отозвался Андрей из комнаты.

– За какой волной?

– Ну, это, за обыкновенной морской волной, – Андрей появился в дверях кухни, сжимая в руках скомканные джинсы.

– Извини, я не понимаю, куда можно ездить за волной?

– Зимой мы ездим, это, во Вьетнам.

– Кто вы?

– Как, кто? Кайтеры.

– Кто такие кайтеры?

– Ты, детка, на самом деле дура или прикидываешься? – Андрей смотрел на нее с детским удивлением.

– Видимо, на самом деле дура, извини, но я не знаю, кто такие кайтеры.

– Сейчас, – он скрылся в комнате. Появился через минуту с ноутбуком. – Ты, это, бросай пока посуду. Иди смотреть.

Бирюзовый океан, истекая пеной, неистово бьется о берег. Песок слепит белизной, воспетой рекламными роликами о райской жизни. А над всем этим в голубом небе реют сотни цветных полумесяцев.

– Что это? – спросила Саша, заморожено рассматривая фотографию.

– Это оно и есть. Кайты!

Саша обернулась к Андрею и замерла от восхищения – как он был прекрасен! Таких сияющих счастьем глаз она не видела никогда. Ей захотелось испытать нечто подобное – абсолютное счастье! Она металась по Москве в поисках удовольствий, но пока ей не удалось найти

ничего такого, от чего бы загорелись ее глаза. Да уж, если честно, ничего ее в последнее время не радовало. Даже недавние постельные утехы с этим синеоким красавцем. Все ее блуждания за ускользающей радостью были просто попыткой выжить. Когда же она научится жить? Просто жить. И просто радоваться жизни.

– Кайты! – прошептала она. – Это так красиво! Это такая доска с парашютом, да?

– Глупая ты. Это не доска с парашютом. Это смысл.

– Смысл?

– Ну да, смысл. Понимаешь, когда ты, это, летишь над волной, ты свободен! Это кайф! Да ты даже не представляешь, какой это кайф! – он блаженно улыбнулся. – Так, детка, я должен собираться, а то еще на самолет опоздаю. Тогда мое существование, пожалуй, утратит всякий смысл, – он рванулся в комнату.

– Это он сейчас сказал? – подумала Саша. – Он умеет так разговаривать? Кто он? Может быть, и в самом деле бог? Только он не Зевс. Нет. И даже не Аполлон. Он Двуликий Янус. Вот он кто. Кажется, я влюбляюсь. А сегодня он улетит в свой Вьетнам за своей волной, а я останусь в Москве с разбитым в очередной раз сердцем. Это я так подумала? О, господи, я мыслю как сентиментальная кухарка, которой так и не дали поуправлять государством.

Она домыла посуду, собрала пустые бутылки в пакеты. Даже подмела пол на кухне облезлым веником, который обнаружила в углу среди прочего хлама. Дома она уже давно не совершала таких трудовых подвигов – у Саши была приходящая помощница по хозяйству.

Андрей метался по комнате и закидывал в огромный чемодан какие-то вещи.

– Ты надолго уезжаешь? – спросила Саша, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

– В марте вернусь. Мы там зимуем. Ты, это, если хочешь, бросай все и приезжай к нам. Там клево. На вот, держи, – он сунул Саше в руки какой-то клочок бумаги. Это была изрядно помятая визитка. – Там все мои контакты. Надумаешь приехать, звони, пиши. Я тебя на кайте научу гонять. Бесплатно. Потому что ты, это, хорошая девчонка. Только это, ты должна знать, если на кайт один раз встанешь, и если тебе понравится, больше уже не слезешь. Это навсегда. Ты должна это знать.

– Я подумаю, – пробормотала Саша и положила мятую визитку в кармашек сумки. Серьез ли он ее зовет? Что вообще может означать это приглашение. Наверное, ничего. Пустая болтовня. – А ты разве не работаешь? Откуда у тебя деньги на поездку во Вьетнам? Как можно уехать из Москвы на целых четыре месяца? – вопросы сыпались из нее как пулеметная очередь.

– Хату эту сдаю и еду. Там, это, дешево все. Только на перелет надо наскрести. Там я работаю. У нас школа кайта. И тут работаю. Барменом. На жизнь хватает.

– А ты не хочешь отремонтировать эту квартиру или купить новую, сделать карьеру?

– Не-а, – он застыл, сжимая в руках охапку носков, смотрел на Сашу удивленно. – А зачем?

– Как зачем? Все люди стремятся к успеху, к материальному достатку, хотят заработать много денег.

– Ни фиги не все. Некоторые просто летят на волне. Детка, все твои деньги и карьера это пустышка. Ты счастлива, что ли со своими деньгами? Счастливые телки не идут трахаться с первым попавшимся кобелем. Только, эти, бляди, и одинокие, несчастные бабы. На блядь ты, это, не похожа. Значит, несчастная, одинокая баба. Слушай, бросай все, поехали с нами.

– А ты от избытка счастья, что ли, снимаешь баб по барам? – Саша готова была разреваться.

– У меня либо волна, либо семья. Так не выходит, чтобы было и то, и другое, – ответил Андрей как-то слишком серьезно. – Семья у меня была. И, это, мне не понравилось. Тесно, душно и больно. А волна... – Глаза его снова загорелись пронзительно-синим огнем. – А волна это кайф! Самое клеевое на свете – это скорость, ветер, полет! Ты даже представить себе не

можешь, что это такое! Как такое может сравниться с какими-то там деньгами? Хватает на поездку, а больше-то и не надо. На что они, деньги? Ты вот чем занимаешься?

– У меня сеть салонов красоты.

– И на что они тебе?

– Это мой бизнес. Это дело моей жизни.

– А что у тебя есть кроме работы?

– Ничего, – неожиданно для себя призналась Саша. Действительно, что у нее есть, кроме работы? Одиночество да тоска.

– Иногда, это, надо от чего-то отказаться, чтобы получить то, что тебе на самом деле нужно. Бросай ты к чертовой матери свой бизнес! Лови волну! Ты же замороченная на своей работе! А ты попробуй получать кайф от жизни.

– Я не могу бросить свой бизнес. Он мне слишком дорого обошелся. Я своим детством расплатилась за него.

– Это как?

– Долго рассказывать. Тебе собираться нужно, – Саша кинулась к двери.

Он догнал ее.

– А ты хоть на месяц к нам приезжай. Может, это, твой бизнес и без тебя обойдется. Рискни. Я б в тебя, того, влюбился бы даже, но я не умею. Я волну люблю. Но ты хорошая девчонка. Я добра тебе желаю. Приезжай. Я буду ждать.

Он долго целовал ее в подъезде. Они все не могли оторваться друг от друга.

– Время, – наконец, сказал он. – Пиши мне.

Разомкнул объятия и закрыл за Сашей дверь.

Вечером Саше уже казалось, что этот златокудрый синеокий простодушный бог, гонящийся за волной, ей просто приснился. Кто же поверит, что такие люди могут существовать на самом деле. Они живут лишь в мифах, фантазиях и снах. На Сашиной шее алел засос. На комод в спальне лежала мягкая визитка. У бога было имя, фамилия, телефон и электронный адрес. Значит, божество это было всего лишь человеком, хоть и не вполне обычным. А может, и в самом деле, во Вьетнам?

Той ночью Саша спала спокойно. Ей снилось бирюзовое море и яркие полумесяцы в голубом небе. Она улыбалась.

Москва. Съемная квартира Саши. Девять лет назад

Около восьми вечера в Сашину дверь позвонили. Она никого не ждала. Посмотрела в глазок. В подъезде было темно. Она никого не увидела.

– Кто там? – спросила Саша из-за двери. Ей никто не ответил. Она снова спросила, погромче. Какое-то шуршание. И тишина. Она отошла от двери. Подумала, что кто-то балуется. Мало ли хулиганов. И снова звонок. – Кто там? – крикнула девушка уже раздраженно и несколько испуганно.

– Саша, это твой отец. – Послышалось из-за двери.

Она сползла по косяку. Поднялась. Вдохнула. Выдохнула. Открыла дверь...

Отца своего Саша не помнила. Можно даже сказать, не знала. Всплывали иногда в ее памяти смутные картинки: вот он сидит у ее кровати и читает «Мойдодыра». Лицо его было неопределенно и расплывчато, но Саша точно помнит, что читал он именно «Мойдодыра».

Вдруг из маминой из спальни
Хромоногий и кривой
Выбегает умывальник
И качает головой...

Вот он качает Сашу на ноге и утверждает, что она скачет на лошадке.

Вот, собственно, и все.

Он ушел, когда Саше было три года. Ей пришлось расти среди постоянно сменяющихся маминых ухажеров, среди маминых депрессий, истерик, болезней и угроз самоубийства. Ей пришлось расти в бедности. Она вынуждена была очень рано повзрослеть. Когда она была еще подростком, иногда смотрела на свою рыдающую, немного пьяненькую мать, и не понимала, кто из них мать, а кто дочь. Она себя считала матерью этой беспомощной, хрупенькой, немолодой девочки. Саше пришлось стать ей поддержкой и опорой. Мать всю жизнь провела в поисках настоящей любви. Она жаждала любви, но ей не везло. Ей встречались одни лишь негодяи и подонки, которые были рядом с ней довольно непродолжительное время, а потом исчезали бесследно. Сашина мать бурно горевала, а затем устремлялась на поиски новой большой любви.

Саше пришлось самой зарабатывать деньги с четырнадцати лет. Хорошего образования она так и не получила. Ей казалось, что нормального детства у нее и не было. Саша была уверена, что детство у нее украли. Кто? Мать обвиняла во всех своих несчастьях отца. Саша считала, что детство у нее украл тоже он. Она привыкла ненавидеть своего отца. Отца, которого она совсем не знала. И вот он стоит у нее на пороге.

Это был высокий, изможденный, высохший мужчина. Рано постаревший. Мать, несмотря на свои вечные несчастья, выглядела значительно лучше. Значительно моложе. У него были большие, печальные карие глаза. Ее глаза. Такие же, только совсем потухшие. У Саши дух захватило от этого странного ощущения: она будто бы смотрела сейчас в свои собственные глаза.

– Здравствуй, дочка, – произнес мужчина сдавленным голосом. Он шагнул к ней и сделал еле уловимое движение, будто хотел обнять ее, Саша отшатнулась. Он беспомощно опустил руки. – Можно мне войти?

Саша посторонилась. Он вошел, снял ботинки и замер в нерешительности.

– Проходите на кухню, – она не могла называть этого совсем чужого мужчину на «ты». Ей не хотелось, чтобы этот чужой мужчина вторгнулся в ее жизнь. Она сейчас жалела, что открыла ему дверь.

Он сел на колченогий стул с сильно потертой гобеленовой обивкой. Только тут Саша заметила, что отец одет в роскошный костюм. Несмотря на свой болезненный вид, мужчина смотрелся на убогой Сашиной кухне нелепо. Слишком элегантен для нее. Саше стало стыдно за свое съемное жилище. Но другого она себе позволить не могла. Тут же вспомнила, что если бы этот человек когда-то не бросил их с матерью, то, возможно, она жила бы теперь в совсем другой квартире. Она давно уже не злилась на отца, потому что она о нем давно не вспоминала, но тут старая обида накрыла ее.

– Что вам угодно, сэр? – спросила она с легким полупоклоном и ядовитой улыбкой на губах. Она так и не села на второй стул, а осталась стоять, прислонившись к стене. Руки ее были скрещены.

– Я пришел вернуть долг, дочка, – голос по-прежнему сдавленный. – И попросить прощения.

– Вы мне ничего не должны. И простить я вас вряд ли смогу. Так что, извините, но ничем не могу помочь.

Он посмотрел ей в глаза с такой тоской, что она чуть не зарыдала от жалости к этому человеку.

– Да, ты права, мне нет прощения. Я тебя понимаю. Можешь меня не прощать, но позволь хотя бы вернуть долг.

– О каком долге идет речь? – жалость улетучилась, вернулась язвительность.

– Об отцовском, дочка.

– О! Это ж, какой должок-то накопился за двадцать пять лет! Плюс пени, плюс проценты. Как расплачиваться будете?

– К сожалению, у меня уже нет времени, чтобы расплатиться с тобой любовью и вниманием, поэтому я хочу отдать долг хотя бы деньгами. Я скоро умру, дочка.

Саша опустила на стул.

– С чего ты это взял?

– Диагноз, вещь убедительная. Рак, – он ухмыльнулся.

– И ничего уже нельзя сделать?

– Врачи говорят, поздно.

– Почему ты не пришел раньше?

– Как я мог к тебе придти? Давно хотел, да смелости не хватало. А теперь уж тянуть дальше некуда – пора отдавать долги и подводить итоги.

– Мне ничего не нужно... Папа, – как, оказывается, сложно произносить это слово. – Неужели ничего нельзя сделать?

– Можно, девочка: умереть спокойно. Единственное, чего я сейчас хочу, умереть спокойно. Ты права. Ты вполне справедливо ненавидишь меня, я поступил тогда... Да, наверное, я поступил, как подонок. Хотя... Мне кажется, что человек не обязан жить с женщиной, которую он не любит. Я не жалею, что ушел. Мне было плохо с твоей мамой. Но ты... Того, что я с тобой не общался, простить себе не могу.

– А почему ты со мной не общался?

– Я сначала воевал с твоей матерью из-за тебя. Сколько скандалов было! Я у подъезда вашего часами стоял, тебя караулил. А они, мать твоя и бабушка, не разрешали мне с тобой видаться. А потом я уехал. Когда возвращался в ваш город, звонил твоей матери, но она так меня к тебе и не пустила. Говорила, что у девочки теперь новый отец и лучше бы ей вообще не знать о моем существовании... Я же не железный, я устал бороться, сдался... Я больше не искал встреч с тобой. А потом у меня родились другие дети... Я знаю, что я виноват, знаю, что меня сложно простить, дочка...

– А алименты? Мы ведь жили в беспросветной нищете.

– Твоя мать так же как ты сейчас говорила: мне ничего не от тебя не нужно. Несколько раз швыряла мне деньги в лицо. Я тогда решил, что буду откладывать для тебя деньги, и когда ты вырастешь, передам тебе сразу большую сумму, и ты сможешь купить то, что тебе нужно. Думаю, этот момент настал, – он достал из кармана кредитную карточку, – вот, это тебе, – он положил карточку на стул и пододвинул к Саше.

– Спасибо, папа, но не нужно, я уже привыкла рассчитывать только на себя.

– Я умилен твоей порядочностью, дочка, но, поверь мне, глупо отказываться от денег. Тем более что эти деньги причитаются тебе по праву. Это твои алименты... С процентами, разумеется и с компенсацией морального вреда, – произнес мужчина с усмешкой. Саша поняла, что отец у нее весьма саркастичен. Возможно, он очень интересный человек. Жаль, что его не было рядом все эти годы. Она и сама не знала, почему отказывалась от денег. Отец был прав. И деньги были ей нужны. Наверное, это та же нелепая гордость, которая заставляла мать швырять деньги в лицо ее отцу. Других причин, вроде бы, не было.

– Нет, я не могу взять эти деньги, – сказала Саша твердо.

– Где ты работаешь?

– В салоне красоты. Я парикмахер.

– Это то, о чем ты мечтала?

– Я не хотела бы рассказывать тебе о своих мечтах. По сути, мы чужие друг другу люди.

– К сожалению, у нас практически нет времени, чтобы узнать друг друга поближе. У тебя какие-то секретные мечты, которые нельзя предавать общественной огласке? Преступные или извращенные? – отец рассмеялся. Саша подумала, что он, со своей иронией и чувством юмора, скорее всего, действительно, был не парой ее слезливой, вечно несчастненькой матери.

– Я мечтаю заработать денег и открыть свой салон красоты, – сдалась Саша. – Я уже все придумала. Я даже конкурентные преимущества и изюминки своего будущего салона знаю. Я уже и бизнес-план составила. У меня есть все, кроме денег.

– Какая же ты чудачка, Саша, – отец снова рассмеялся. – У тебя есть деньги, вот они, – он указал на карточку. – Ты будешь идиоткой, если их не возьмешь. Но я уверен, что моя дочь, умная девочка. Бери! – Саша отрицательно замотала головой, но уже не так уверенно. – Упрямица! Вся в меня! Ну, что ж, последний аргумент, – он вздохнул. – Саша, я виноват перед тобой, но я вижу, что ты добрая девочка. Возьми деньги, дай мне умереть спокойно. Не хочу я, чтобы на смертном одре меня мучила совесть из-за того, что я так для тебя ничего и не сделал. Будь милосердна, дочка!

– Хорошо, – ответила Саша после нескольких секунд раздумий.

Они засиделись в тот вечер на кухне до глубокой ночи.

Несколько месяцев Саша жила надеждой, что отец все-таки победит болезнь и останется жить. Она только что обрела отца. Он не должен умереть. Саша сначала навещала его в больнице, потом дома. Она даже подружилась с новой женой отца. Ему становилось все хуже, а она все ждала чуда. Чуда не произошло...

Через полгода после смерти отца Саша открыла свой первый салон и стала обладательницей трехкомнатной московской квартиры – отец оставил ей хорошее наследство. Расплатился за украденное у дочери детство. Хотя сама дочь уже искренне считала, что ни в чем он перед ней виноват не был. Отец умер спокойно, раздав все долги, окруженный детьми и маленькими внуками.

Мать Саши так и не смогла его простить. Его благородство, разрушающее образ подлеца и негодая, лишь еще больше ее разозлило.

– Как был козлом, так и остался, – сказала она старинной подруге Машеньке, – никакое это не благородство, не может стать подлец порядочным человеком. Денег он дал своей брошенной дочери! Хммм... Да грехи свои замаливал перед смертью, старый распутник. В рай

хотел въехать. О душе своей задумался. Вот и все его хваленое благородство. Всех обманул, но меня-то не обманешь...

Москва. Вторая половина декабря. Такси

Даже самые сильные женщины плачут. Сильная женщина Александра Крылова сидела на заднем сиденье такси и рыдала. Носового платка у нее не было. Таксист участливо протянул ей бумажную салфетку. Саша шумно высморкалась. Извинилась. И снова залилась слезами. Рыдала как дитя. Собственно, и повод для слез был детский. Проспала с утра. Решила добираться до работы на метро – ей показалось, что так будет быстрее. Была удивлена и несколько угнетена обилием людей в метро. А потом еще ноготь сломала. А потом полчаса выслушивала претензии одной вздорной клиентки по поводу того, что персонал в ее салоне недостаточно вышколен и позволяет себе неодобрительные взгляды в сторону уважаемых посетителей. Потом Саше пришлось полчаса утешать парикмахершу, на которую уважаемая посетительница неодобрительно накричала. Но это все были мелочи. Главное разочарование поджидало Сашу ближе к вечеру, когда она связалась со своим турагентом – билеты на все рейсы до Хошимина в предновогодние дни были проданы. Ни одного местечка не осталось. Слишком долго она раздумывала, ехать ей или не ехать во Вьетнам. Идея встретить Новый год под пальмами, а если повезет, и в объездах Андрея или еще какого-нибудь симпатичного мускулистого кайтера казалась ей привлекательной, но...

Но что-то будто держало ее в Москве, хотя держать, вроде бы было нечему. Как некоторые матери не мыслят себе разлуку со своим дитяtkом хотя бы на несколько дней, так и Саша не представляла себе, как она может оставить свой бизнес на две недели. А вдруг без нее сразу все развалится? Ведь она привыкла жить по принципу: если хочешь что-то сделать хорошо, сделай сам. Она понимала, что чрезмерное беспокойство ее глупо, что ничего катастрофического за какие-то там четырнадцать дней не произойдет, но она слишком дорожила своим делом. Дело было не только делом, но и памятью об отце. Никак она не могла не оправдать его предсмертное доверие. К тому же жила в ней ребяческая надежда, что жестокое сердце блудного ее мужа перед Новым годом наполнится сентиментальной тоской, и он вернется к ней. Разве им было плохо вместе? Ведь его уход от нее не более чем каприз, недоразумение, ошибка. Конечно, ошибка. Он непременно вернется.

Вчера Саше стало стыдно за свои наивные мечты: добрые люди донесли ей, что разлюбивший муженек ее, еще не получивший официального развода, сошелся с одной состоятельной дамой. Саша была несказанно уязвлена и тем, как быстро нашли ей замену, и тем, что она замену ушедшему мужу пока не нашла. Она была оскорблена его лживостью. Он что ей говорил? Что хочет сам кем-то стать. Хочет сам зарабатывать деньги. А что же получается? Поменял одну состоятельную даму на другую. Может быть, более состоятельную. Так он что же, не прожектёр, не мечтатель, не приспособленный к реальной жизни, а банальный альфонс? Неужели он просто использовал ее столько лет? Все эти годы она была всего лишь его кошелем?...

Вьетнам! Нужно срочно во Вьетнам! За волной! За ветром! За освобождением от пут прошлого! А здесь она просто сойдет с ума! Нужно уехать... Билеты в Хошимин уже закончились. И вот сейчас Саша сидит на заднем сиденье такси, которое везет ее к дому, и ревет как дитя – ей показали конфетку, раззадорили, а потом цинично припрятали в буфет до лучших времен.

– Что случилось? – не выдержал таксист, немолодой, грузный, седовласый мужчина. – Что за слезы, красавица? – он озабоченно улыбнулся Саше в зеркало заднего вида.

– Какая вам разница? – раздраженно выкрикнула женщина.

– Да никакой, – таксист обиженно пожал плечами.

– Извините, – устыдилась Саша своей резкости. Громко всхлипнула. – Извините. Накаатило. Когда ты один, эти предновогодние дни становятся совершенно невыносимыми.

- Как такая красивая женщина может быть одна?
- Сама не понимаю, – Саша горько усмехнулась и снова всхлипнула.
- Еще салфетка нужна?
- Да.
- Возьмите вот всю пачку.
- Спасибо, – Саша разразилась новым приступом рыданий. – Почему совершенно посторонние люди сочувствуют тебе, а близкие, родные предают и бросают, почему так странно устроен этот мир? – думала она и плакала все сильнее.
- Неужели все так плохо? – подал голос водитель.
- А что может быть хорошего в том, когда тебя бросают, как эту вот салфетку? Попользуются и бросят? – раздраженно отозвалась Саша. – А ты потом не знаешь, как жить дальше, чувствуешь себя старой неудачницей, забываешь, что такое секс и уже не уверена, что в твоей жизни будет что-то радостное! И тебе кажется, что никогда-никогда у тебя уже не будет другого мужчины! Что в этом хорошего, скажите мне? – ей было плевать, что она излишне откровенна с незнакомцем – слова рвались из нее. Ей казалось, что если сейчас она не скажет этих слов – просто взорвется.
- Может быть то, что вы избавились от мужчины, который вам не подходил. Может быть, вот это и хорошо?
- Откуда вы знаете, что он мне не подходил?
- Видите ли, красавица, мужчина, который по-настоящему подходит женщине, ее не бросает. И женщина никогда не уйдет от мужчины, который ей подходит.
- С чего вы взяли?
- Так, наблюдения за жизнью и людьми. Я уж лет двадцать в таксистах. Чего только не насмотрелся. Мне уже можно в психологию идти. Опыт есть, да образования подходящего нету, – он вздохнул.
- А что, это мысль! – вдохновилась Саша. – Представляете сеансы психологической помощи в такси. Это забавно. Можно много денег заработать, – она перестала плакать.
- Мужчина рассмеялся:
- Действительно, занятная мысль. Я уже вижу объявление в газетах: «Таксист-психолог. Экстремально. Эффективно. Дорого».
- Замолчали. Город за окнами подмигивал новогодними елками. Небо осыпало улицы дождем, совсем осенним... Бег машины замедлился – пробка. Саша даже обрадовалась – момент возвращения в пустой, одинокий дом откладывался.
- Вы не будете возражать, если я закурю? – спросил таксист и, не дожидаясь ответа, чиркнул зажигалкой.
- Я, с вашего позволения, тоже, – Саша медленно достала из сумочки сигарету, открыла окно и закурила с удовольствием. – Вот сейчас еще бы бокал шампанского, – протянула она задумчиво, – и мне бы снова начало казаться, что жизнь довольно приятная штука. – Помолчала. – А как вы думаете, мужчина, который мне подходит, существует?
- А как же! Конечно, существует! Господь Бог каждой твари предусмотрел по паре. И ваша половина где-нибудь сейчас ходит или, может быть, тоже едет в такси и ждет именно вас.
- А почему же мы до сих пор не встретились? Я ведь не молодая уже. Мне тридцать шесть лет. Пора бы уже, вам не кажется?
- Все происходит в назначенный срок, – изрек таксист. – Это в китайской книге перемен записано. А ей уж, почитай, пять тысяч лет. Проверенная веками мудрость. Значит, не пришло еще время вам встретиться, значит, не готовы вы еще.
- Скорее бы уже настало это время, – произнесла Саша мечтательно, а потом вдруг встрепенулась. – А вдруг мы встречались уже, да прошли мимо, не заметили, что предназначены друг для друга судьбой? Не поняли? Подумали, что это была всего лишь случайность?

– Ничего случайного не бывает. Если это был ваш человек, значит, судьба даст вам еще один шанс. Вы снова встретитесь. Обязательно. У меня знаете, как было?

– Нет, конечно! Откуда? – рассмеялась Саша.

– Хотите, расскажу? Только это длинная история.

– А куда нам спешить? Вон, пробка какая – намертво встали.

– Машу свою я встретил, страшно подумать, лет тридцать назад.

– А где вы встретились? – тут же перебила Саша.

– Разве это имеет значение?

– Хммм... Конечно! Я просто не представляю себе, где можно встретить свою половинку.

– Да все очень просто – в квартире одного своего студенческого приятеля. День рождения у него был. Я был в числе приглашенных. И вот явился я со своей невестой, Людочкой, а дверь мне открыла девушка... Я, честно говоря, думал, что любовь с первого взгляда – это бредни, выдумки писателей и поэтов, а тут вдруг... Ну не то что бы я влюбился, а подумал: «Вот на этой женщине я хочу жениться». Сам не знаю, почему я так подумал, ведь за руку я держал женщину, которая ждала от меня ребенка, и с которой я через две недели должен был пойти в ЗАГС. Такая тоска меня взяла. А тут еще выяснилось, что Маша эта – девушка моего друга, того самого, у которого был день рождения. Мы никак не могли быть вместе. Мы потом даже встречались несколько раз – пытались дружить семьями. К счастью, жизнь нас развела – невыносимо мне было видеть Машу и знать, что она с другим, да еще и с моим другом. Дурдом какой-то. Она мне потом призналась, что и я ей понравился сразу, в момент нашей встречи. Правильно говорят, что время лечит – с каждым месяцем, я думал о Маше все меньше и меньше. У меня подрастал сын, с женой отношения были хорошие. Все нормально было. А потом все разладилось. Позвольте не вдаваться в подробности. Может, я в этом виноват, может она, может оба. Тошно мне с ней стало. Женщины у меня появились... Я как будто отгуливал все, что не догулял в юности – Людка-то ведь первая у меня была. На первой же и женился. Самоутверждался. Как с цепи сорвался. Людка на развод подала. Так я остался один. Баб-то много было, да только это ж все так было, чепуха... Жил я бобылем в съемной квартире. Поначалу свободе радовался, а потом начал ею тяготиться – все-таки долго я женатым человеком был – привык к заботе. Подумывал уже с одной из своих подружек сойтись, а тут она, Маша... Бывает же такое! Вы не поверите! В метро на эскалаторе встретились! Я вниз ехал, а она – вверх. Увидели друг друга, узнали. Я сначала бегом вниз кинулся, потом – наверх. А сам и не надеялся ни на что, думал, она ушла уже, зачем ей меня ждать? А она стояла, ждала меня и улыбалась... Никогда эту улыбку не забуду. Она тогда знаете что сказала? – Саша отрицательно покачала головой.

– Она сказала: «Наконец-то я тебя дождалась». Как будто не две минуты меня ждала, пока я туда-сюда по эскалатору бегал, а всю жизнь... – таксист закурил еще одну сигарету. – С тех пор мы не расставались. Вот уже почти двадцать лет вместе. И знаете, я рад, что когда мы встретились в первый раз, судьба развела нас. Тогда еще не пришел назначенный срок. Тогда мы еще были слишком молоды и вряд ли оценили бы тот дар, который преподнесла нам судьба. Наломали бы дров... А так живем душа в душу, детей двоих родили. Так что теперь у нас четверо детей. У меня один ребенок от первого брака и у нее один. Внуки у нас уже. Чего мы с ней только не пережили вместе. Всегда меня выручала, во всем поддерживала. И в горе, и в радости. Знаете, какая она, моя Маша? Она и добрая, и заботливая, и красивая, и умная. Без нее я пропал бы, наверное... Такая история...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.